

НОЧЬЮ ВАС НЕ БУДИЛИ

03:17

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Ночью вас не будили

<https://litres.ru/74667579>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода Наталья возвращается в город детства и устраивается администратором в частный центр сна. Пациенты жалуются, что ночью их будили и расспрашивали о работе, но журналы и камеры показывают безупречно тихие смены. Директор отрицает беседы — и всё же знает фразы, которые не мог услышать.

Вместе с медсестрой Ольгой Наталья находит следы незаписанных препаратов, подменённого видео и отчётов для работодателей. Доказать вмешательство проще всего, опубликовав украденные признания пациентов. Но тогда Наталья повторит собственную давнюю ошибку: однажды она уже распорядилась чужой тайной ради цели, которую считала правильной. Чтобы остановить центр, ей придётся поймать нарушение в настоящем времени и оставить людям право на их слова.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Комната после сна	5
Глава 2. Двор профилактория	29
Глава 3. Правильное утро	45
Глава 4. Ярлык Крыловой	69
Глава 5. Гостиничная память	88
Глава 6. Третья семнадцать	109
Глава 7. Заказчик	128
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Даниил Орлов

Ночью вас не будили

От автора

Память после тревожного пробуждения бывает неровной. Мы можем точно помнить страх и ошибаться в минуте, го-
лосе или последовательности движений. Эта книга не пред-
лагает выбирать между двумя удобными крайностями: счи-
тать любое воспоминание безупречной записью или объяв-
лять всё неполное выдумкой.

История Натальи — о границе, которую легко нарушить
под видом заботы, лечения или защиты. Чужая тайна не ста-
новится общей собственностью только потому, что помогает
разоблачить виновного. Иногда честное доказательство на-
чинается не с громкого признания, а с согласия человека,
которому предстоит рискнуть.

Все герои и организации вымышлены. Совпадения слу-
чайны.

Глава 1. Комната после сна

В первое утро Наталье выдали связку из трёх ключей и велели не пользоваться ни одним без разрешения.

— Этот от шкафа с чистым бельём, — объяснила администратор Людмила, перебирая металлические бирки. — Этот от комнаты персонала. А маленький запасной от стойки, если ящик заклинит. Палаты открываются карточками. Процедура тебе не нужна.

Она положила связку на стойку и накрыла ладонью.

— Потеряешь — сразу говоришь. Не через час, не после смены. Сразу.

— Не потеряю.

— Все так говорят.

В гостинице, где Наталья проработала одиннадцать лет, на ночной стойке хранилось сто восемь запасных карточек, мастер-ключ горничных и сейф с чужими паспортами. Там она умела по звуку понять, какой лифт открылся, и по лицу гостя — нужна ему новая подушка или номер без соседей за стеной. Три ключа не пугали её. Пугало то, как Людмила не отпускала ладонь.

Наталья дождалась, пока та сама подвинет связку.

— Если дверь пациента не открывается?

— Звонишь дежурной сестре.

— Если внутри зовут?

— Звонишь дежурной сестре.

— Если пожар?

— Нажимаешь тревогу, вызываешь службу и открываешь аварийным доступом. Это тебе покажут после оформления. Сегодня смотри и записывай.

Людмила говорила быстро, потому что хотела уйти. Её ночная смена закончилась в восемь, а на электронных часах над дверью было уже восемь двадцать три. В коридоре пахло кофе, нагретым пластиком и чем-то аптечным, хотя процедурная находилась за двумя дверями. За окном таял мартовский снег. В замкнутом дворе бывшего профилактория вода стекала с крыш сразу на асфальт и собиралась вокруг одинокой клумбы.

На стойке лежал утренний список. Шесть фамилий, номера комнат, время завтрака, пометки о выписке. В пяти строках стояли галочки. Напротив комнаты двести шестнадцать была поставлена точка.

— Это что значит? — спросила Наталья.

Людмила уже застёгивала пальто.

— Ждём врача.

— Почему?

— Плохо спала.

— Здесь все плохо спят.

Людмила посмотрела на неё так, словно новая сотрудница рано решила шутить.

— Ирина Михайлова. Корпоративная программа, вторая

ночь. Утром плакала. Давление нормальное, сатурация нормальная, сестра была. Врач подойдёт.

— Что случилось?

— Говорит, её будили.

— Кто?

— Вот врач и разберётся.

Людмила забрала со стула сумку. Наталья перевернула лист и увидела на обороте время обходов. В два часа — сестра Крылова. В четыре — санитар Белов. В шесть тридцать — снова Крылова. Возле каждого времени стояла короткая подпись.

— А пациентка говорит, когда её будили?

— Наташа, я после ночи. Записей много, люди разные. Не начинай искать смысл в каждой точке, иначе сама сюда ляжешь.

Наталья не любила уменьшительное имя от людей, которые ещё не знали, как она пьёт чай. Но спорить не стала.

— Передачу смены я подпишу после врача.

— Подписывай когда хочешь. Я тебе всё передала.

Людмила ткнула пальцем в нижнюю строку журнала, где уже стояло её время ухода — 08:10. Потом вышла через стеклянные двери. Часы показывали 08:27.

Наталья исправила время одной чертой, написала рядом фактическое и поставила свои инициалы. В гостинице за такие исправления начальник службы размещения сначала кривился, потом привык. Если автобус с группой приезжал

в три ночи, нельзя было утром написать, что заселение закончилось в два пятьдесят, только потому, что программа не принимала переход через часовой пояс. Время не становилось аккуратнее от чужого желания уйти домой.

Из коридора появилась женщина в голубой пижаме и сером гостиничном халате. Она шла босиком, держа тапочки в руке. Один датчик всё ещё был приклеен у неё за ухом, тонкий провод заканчивался белым разъёмом.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросила женщина.

— Я администратор. Наталья Соколова. Вам помочь?

— Мне нужен человек, который был ночью.

— Ночная администратор уже ушла. Дежурная сестра в отделении. Как вас зовут?

— Вы и так знаете.

Женщина посмотрела на утренний список. Наталья накрыла его чистым листом.

— Я должна уточнить, чтобы вызвать нужного сотрудника.

— Михайлова. Ирина Сергеевна. Двести шестнадцать. Точка в списке.

— Присядьте, пожалуйста. Я позову сестру.

— Не надо сестру. Она уже приходила и сказала, что мне приснилось.

Ирина положила тапочки на пол, но не надела. На правой ступне остался круглый след от датчика, кожа вокруг покраснела. Наталья пододвинула кресло к стойке. Женщина села

на самый край.

— Тогда расскажите, что вам нужно сейчас.

— Мне нужна запись.

— Какая?

— Из комнаты. Здесь всё снимают, я подписывала. Пусть покажут, кто заходил.

— Я не могу показывать медицинские записи. Врач скоро подойдёт.

— Значит, запись есть?

Наталья на секунду задержалась. В гостинице опаснее всего было отвечать на вопрос, который звучал простым, но относился не к твоей работе.

— Я не работаю с записями обследования, — сказала она.

— Могу зафиксировать ваше обращение и вызвать врача.

— Уже фиксировали.

Ирина подняла ладонь. На пальцах остались липкие серые полосы от датчиков.

— Я проснулась, когда мужчина сказал: «Ирина Сергеевна, откройте глаза». Свет был выключен. Только лампочка над дверью. Он сидел там, где сейчас тумбочка. Или тумбочка была отодвинута. Я не знаю. Спросил, почему я не подписала акт во вторник.

Она произнесла последнее предложение почти беззвучно. Наталья не стала наклоняться ближе.

— Какой акт?

— На работе. Я не хочу это обсуждать.

— Хорошо.

— Он спросил ещё раз. Я сказала, что там не хватало товара. Потом он спросил, кто ещё видел. Я назвала фамилию. Утром тумбочка была у стены. Дверь закрыта. Сестра говорит, никто не входил.

Наталья взяла обычный блок для обращений, лежавший рядом с телефоном.

— Вы разрешаете записать то, что сейчас сказали?

Ирина быстро посмотрела на ручку.

— Не фамилию. И не про товар.

— Тогда запишу: вы сообщаете, что ночью вас разбудил неизвестный мужчина и задавал вопросы о работе. Точное время знаете?

— Три с чем-то.

— По часам видели?

— Нет. Потом посмотрела. Было три двадцать два. Или двадцать семь. Телефон лежал на подоконнике.

Наталья записала оба предела: после пробуждения пациента видела на телефоне время между 03:22 и 03:27, точное не помнит. Ирина следила за строкой.

— Вы считаете, я придумала?

— Я записываю то, что вы помните, и отдельно то, чего не знаете точно.

— Так обычно пишут, когда не верят.

— Так пишут, когда не хотят заменить ваши слова своими.

Из боковой двери вышла медсестра. Ей было за пятьдесят, короткие светлые волосы лежали ровно, как после шапочки. На нагрудной карточке значилось: «Крылова О. В.» В одной руке она несла пластиковый лоток, другой придерживала карман халата.

— Ирина Сергеевна, почему вы без тапочек?

— Потому что я пришла не гулять.

— Пол холодный.

— Вы обещали врача.

— Он едет.

Ольга Крылова поставила лоток на край стойки и посмотрела на лист Натальи.

— Что записываете?

— Обращение пациентки. Без содержания рабочего разговора.

— Вы сегодня первый день?

— Да.

— Тогда тем более не записывайте медицинские жалобы в административный блокнот.

Наталья положила ручку.

— Куда записать просьбу показать входы в комнату?

— В журнал обращений. Он в программе.

— Доступа мне ещё не дали.

Ольга поджала губы. Потом взяла лист, прочитала и вернула.

— Не выбрасывайте. После оформления внесёте.

Ирина надела тапочки, но осталась сидеть.

— Скажите ей, что никто не входил, — попросила она. —

Вы мне это уже сказали.

Ольга повернулась к ней.

— Я сказала, что в журнале обходов нет входа после двух часов. В четыре санитар проверял дверь снаружи.

— А мужчина?

— Я его не видела.

— Значит, его не было?

Медсестра сняла очки, протёрла край халата и снова надела.

— Я не сказала этого.

Это был первый ответ за утро, после которого Ирина немного расслабила плечи.

Ольга попросила Наталью позвонить врачу ещё раз. Номер был приклеен под трубкой. Врач ответил после шестого гудка, сообщил, что застрял у въезда во двор, и попросил измерить пациентке давление повторно.

— Она отказывается идти в палату, — сказала Наталья.

— Не заставляйте. Крылова рядом?

— Да.

— Пусть измерит у стойки.

Ольга принесла прибор. Ирина протянула руку не сразу.

— Манжета чистая?

— Обработана после прошлого пациента.

— А это тоже где-то записано?

— Да.

— И если я скажу, что она была мокрая, вы покажете запись, где она сухая?

Ольга ничего не ответила. Закрепила манжету и попросила не разговаривать. Прибор загудел. Ирина смотрела на стеклянную входную дверь, будто могла уйти прямо сейчас, в халате и с проводом за ухом.

Давление оказалось немного выше утреннего, но не опасным. Ольга назвала цифры вслух и записала на маленькой наклейке с временем. Наталья заметила, что медсестра посмотрела на настенные часы, потом на свои наручные и указала 08:41 — время по своим часам.

— Они расходятся? — спросила Наталья.

— Настенные спешат на минуту сорок секунд.

— Почему не переведут?

— Потому что завтра они будут отставать. Эти часы живут собственной жизнью. Для процедур у нас синхронизированные.

Ольга сказала это спокойно, без желания сделать из разницы тайну. Наталья отметила про себя: если Ирина смотрела время на телефоне, настенные часы здесь ни при чём.

Врач появился в девять без трёх. Молодой, в расстёгнутой куртке поверх свитера, он представился Андреем Витальевичем и сразу предложил Ирине пройти в переговорную. Она отказалась.

— Там нет камеры.

— Хорошо, поговорим здесь.

— При ней, — Ирина указала на Наталью.

— Администратор не участвует в медицинской беседе.

— Она хотя бы записывает мои слова так, как я сказала.

Наталья почувствовала, как Ольга посмотрела на неё. Не с одобрением — скорее проверяя, понимает ли новая сотрудница, куда её только что втянули.

— Если Ирина Сергеевна хочет присутствия сотрудника как свидетеля обращения, я могу остаться, — сказала Ольга. — Наталье нужно принимать выписку остальных.

Пациентка согласилась после паузы. Наталья отдала Ольге свой лист, получила обратно связку ключей и села за стойку.

Начались обычные дела. Мужчина из комнаты двести двенадцать не мог застегнуть сумку из-за торчащего провода зарядки. Пожилая женщина требовала справку для санатория, хотя приехала только на обследование. Курьер привёз коробку одноразовых простыней и перепутал корпус. Наталья звонила, искала бланки и запоминала двери.

Центр был меньше средней гостиницы: двенадцать палат на втором этаже, четыре на закрытом третьем, процедурная, две комнаты наблюдения, кабинет врача и кабинет директора. Но проходы устроили так, что человек всё время возвращался к одному и тому же холлу. Старое здание имело широкую центральную лестницу, новый стеклянный лифт и узкий служебный подъёмник в дальнем конце. На плане эвакуации служебный подъёмник был обозначен серым прямо-

угольником без номера.

В девять пятнадцать Ирина вернулась к стойке уже в своей одежде. Датчик за ухом сняли, на коже осталась красная точка. Ольга несла запечатанный пакет с проводами.

— Я уезжаю, — сказала Ирина. — Результат пришлют?

— После заключения врача, — ответила Ольга.

— А запись?

— Ваше обращение зарегистрируют. Для получения копий подайте заявление.

— Где?

Наталья нашла нужный бланк не сразу. В нижнем ящике лежали согласия на обработку данных, заявления на налоговый вычет и отказ от питания. Запрос копии оказался под пачкой рекламных листовок. Ирина заполнила его стоя.

В строке «Прошу предоставить» она написала: запись комнаты и коридора с 03:00 до 03:40, журнал входов, назначения и отметки обхода. Потом перечитала и добавила: данные электронного замка.

— Замок записывает входы? — спросила она Наталью.

— Я уточню.

— Вы же администратор.

— Первый день.

Ирина посмотрела на неё чуть мягче.

— Тогда уходите отсюда, пока первый.

Она сложила свою копию заявления в сумку. У дверей остановилась.

— Он спросил именно про вторник, — сказала она. — Я во вторник не подписала акт. На работе об этом знают трое. Здесь я не рассказывала.

— В заявлении это указывать? — спросила Ольга.

— Нет. Пока нет.

Ирина ушла. За стеклом она долго стояла под навесом, заказывая машину. Потом спрятала руки в рукава пальто и пошла к воротам пешком.

Ольга положила заявление в прозрачную папку.

— Никогда не говорите пациенту «я уточню», если не знаете, кто обязан отвечать, — сказала она.

— А что говорить?

— «Передам ваш вопрос ответственному сотруднику».

— Это одно и то же, только длиннее.

— Нет. В первом случае вы обещаете вернуться с ответом. Во втором — передать вопрос.

— Я вернусь с ответом.

Ольга вздохнула.

— Вы из гостиницы?

— Да.

— Здесь не гостиница.

— Уже заметила.

Наталья показала на папку.

— Кто отвечает за данные замка?

— Технический отдел.

— Где он?

— Начальник приходит после десяти. У Олега Семёновича спросите.

— А запись комнаты?

— Врач и диагност.

— Коридор?

— Служба безопасности.

— Назначения?

— Врач.

— Обходы?

Ольга посмотрела на лист ночной смены.

— Мои обходы — у меня. В два ноль четыре я входила, проверила датчик на ноге. Ирина Сергеевна проснулась, спросила время и снова легла. После этого я к ней не заходила.

— Она помнит ваш вход?

— Не спросила.

— А мужчина мог войти служебным ключом?

— Любой вход карточкой должен сохраниться.

— А без карточки?

— Дверь закрывается сама. Изнутри открывается ручкой.

Снаружи — карточка или аварийный ключ.

— Где ключ?

— У старшей сестры и на посту охраны в опечатанном боксе.

Наталья ждала продолжения, но Ольга взяла лоток.

— Не надо сейчас строить версии, — сказала она. — Есть

заявление. Пусть смотрят те, у кого есть доступ.

— Вы верите Ирине?

— Я верю, что она так помнит.

— Это удобный ответ.

— Это точный ответ.

Ольга ушла в процедурную. Наталья внесла заявление в программу после того, как Людмила по телефону продиктовала временный пароль. В меню было поле «Категория». Подходили три варианта: качество услуги, доступ к данным, поведение персонала. Наталья выбрала доступ к данным и в описании добавила, что обращение касается также возможного входа неизвестного человека. Программа присвоила номер 117 и срок ответа тридцать дней.

Тридцать дней показались издевательством. Потом Наталья вспомнила, сколько раз в гостинице гость требовал немедленно показать запись камеры, а на ней были другие люди, номера комнат и чужие разговоры. Быстро не значило правильно.

В десять двенадцать появился директор.

Артём Ларин вошёл со двора без пальто, хотя на улице шёл мокрый снег. На нём был тёмный костюм и белая рубашка без галстука. Он стряхнул капли с волос, поздоровался с Натальей по имени и спросил, не замёрзла ли она у стеклянных дверей.

— Здесь тянет от нижней рамы, — сказал он. — Мы заказали уплотнитель. Если к обеду не потеплеет, пересядьте

за боковой стол.

Наталья ещё не встречала его лично. Собеседование проводила управляющая по видеосвязи, документы подписывали в отделе кадров соседнего корпуса.

— Вы Артём Викторович?

— Да. Можно без отчества, если вам удобно. Как первое утро?

— Пациентка из двести шестнадцатой подала заявление на копии записей.

— Ирина Михайлова.

Он произнёс фамилию без взгляда на список.

— Вы уже знаете?

— Мне позвонил Андрей Витальевич. Неприятная история. Некоторые люди после пробуждения включают сон в комнату. Образ сохраняется очень ясно.

— Она помнит мужчину и вопросы о работе.

— Содержание сна часто берётся из дневной тревоги.

— Вы врач?

Ларин улыбнулся, будто Наталья удачно проверила его.

— Нет. И никогда им не представляюсь. Управляю центром восемь лет и слышу утренние жалобы чаще, чем хотелось бы. Врач даст заключение.

Он обошёл стойку и остановился возле папки с заявлением. Не открыл её.

— Вы правильно сделали, что приняли запрос. Пациенту важно вернуть ощущение контроля. Особенно если ему ка-

жется, что ночью допрашивали из-за неподписанного акта.

Наталья почувствовала холод не от нижней рамы. Фразу Ирины она не внесла в программу. В заявлении женщина написала только время и перечень записей. Ольга слышала про акт у стойки, врач — возможно, во время разговора. Ларину мог позвонить любой из них.

— Андрей Витальевич рассказал вам про акт? — спросила Наталья.

Ларин взял со стойки рекламную листовку, посмотрел на загнутый угол и положил ровнее.

— Он сообщил, что пациентка связывает пробуждение с рабочим конфликтом.

— Вы сказали «неподписанный акт».

— Значит, сообщил подробнее. Это имеет значение?

— Ирина Сергеевна просила не записывать содержание.

— Врач обязан передать руководству сведения об инциденте в необходимом объёме.

— Необходимом для чего?

На этот раз улыбка исчезла не сразу, а медленно. Ларин подвинул к себе журнал передачи смены.

— Наталья, я понимаю вашу привычку защищать гостя от администрации. Это хорошая привычка для гостиницы. Здесь пациент находится под медицинским наблюдением, и руководитель должен знать, что произошло.

— Произошло или приснилось?

— Это установят специалисты.

Он открыл журнал на последней странице. Возле подписи Людмилы стояло исправленное время.

— Она ушла в восемь двадцать семь, — сказала Наталья.

— Было написано восемь десять.

— Людмила всегда спешит на электричку. Вы правильно исправили. Только рядом нужна её подпись, не ваша.

— Она уже ушла.

— Завтра подпишет.

Ларин закрыл журнал.

— До конца недели вы работаете с наставником. Не оставайтесь одна после шести и не заходите на третий этаж. Там меняют оборудование.

— В списке есть пациенты третьего этажа?

— Пока нет.

— А служебный лифт работает?

— Технические вопросы лучше задавать Олегу Семёновичу. Он любит подробно отвечать.

Директор взял папку с заявлением Ирины.

— Я передам юристу и диагносту. Копию зарегистрировали?

— Номер сто семнадцать.

— Отлично. Значит, первое сложное утро вы пережили.

Он пошёл к своему кабинету. Наталья смотрела на мокрые следы его туфель. Они начинались не у стеклянной входной двери, а возле бокового коридора. Возможно, он прошёл через двор и вошёл служебным входом. Возможно, сначала

был у врача. Она не видела и не должна была выбирать удобный маршрут.

— Артём Викторович.

Ларин обернулся.

— Кто сообщил вам точную фразу про акт?

— Я же сказал: Андрей Витальевич.

— Я спрошу у него.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом директор кивнул.

— Конечно. Здесь принято уточнять передачу сведений. Именно поэтому мы вас и взяли.

Дверь его кабинета закрылась тихо, без щелчка.

В одиннадцать Наталья нашла врача в комнате отдыха. Андрей Витальевич ел йогурт, стоя у окна, и просматривал телефон.

— Вы звонили Ларину по поводу Ирины Михайловой?

— Да.

— Сказали, что её спрашивали про неподписанный акт?

Врач нахмурился.

— Я не обсуждаю содержание беседы с администратором.

— Я не спрашиваю содержание. Хочу понять, откуда директор знает фразу, которую пациентка просила не записывать.

— Если она сказала её при сотрудниках, это уже часть инцидента.

— Вы передали?

Андрей Витальевич снял фольгу с крышки йогурта и сложил её вчетверо.

— Я сказал, что жалоба связана с рабочим документом. Кажется, с актом. Точную формулировку не помню.

— «Не подписала акт во вторник»?

— Про вторник не говорил. Или она упомянула. Наталья, у меня с утра шесть заключений. Зачем вы устраиваете проверку памяти?

— Чтобы правильно передать смену.

— Передайте, что пациентка подала заявление. Остальное не ваша зона.

Он выбросил стаканчик и ушёл. На подоконнике осталась пластиковая ложка.

К обеду снег сменился дождём. Наталья пересела за боковой стол, как советовал Ларин, но оттуда не было видно входной двери целиком. Она вернулась к стойке и надела жакет.

В гостинице первое объяснение обычно было скучным. Горничная заходила в номер, потому что перепутала таблички. Карта не сохранялась в замке из-за севшей батареи. Гость слышал стук не в свою дверь, а этажом выше. Наталья научилась сначала искать такую причину, а уже потом звонить охране.

Она выписала на чистый лист четыре вопроса.

Кто входил в комнату 216 после 02:04.

Что сохранил электронный замок.

Есть ли разрыв на записи коридора между 03:00 и 03:40.

Кто и когда сообщил Ларину про неподписанный акт.

Потом перечеркнула последний вопрос. Он касался людей, а не передачи смены, и пока имел два обычных ответа: врач сказал больше, чем помнил сейчас, или Ольга позвонила директору после разговора.

Оставила три.

Олег Семёнович пришёл в четырнадцать десять, с рулоном кабеля на плече и мокрой шапкой в кармане. Наталья показала ему зарегистрированное заявление, не называя содержание жалобы.

— Замок двести шестнадцатой хранит входы?

— Хранит последние пятьсот событий.

— Можно получить выгрузку?

— Можно. По заявке директора или безопасности.

— Заявление пациента есть.

— Тогда директор поставит задачу.

— А если не поставит?

Олег Семёнович улыбнулся.

— Первый день?

— Это заметно?

— Люди после недели спрашивают не «если», а «когда».

Он снял с плеча кабель.

— Не бойтесь. Тут всё пишется. Даже когда не надо.

— А служебный лифт?

— Что лифт?

— Через него можно попасть на второй этаж?

— На все этажи, кроме подвала. В подвал отдельный ключ.

— Кто пользуется?

— Персонал, бельё, оборудование. Пациентов не возим.

— На общей камере его видно?

— Дверь видно. Внутри камеры нет.

Он говорил охотно, как и обещал Ларин. Наталья поблагодарила и не спросила, можно ли через служебный лифт дойти до комнаты двести шестнадцать, минуя холл. По плану было видно, что можно.

В конце смены Людмила позвонила и спросила, как прошёл день.

— Ты время исправила? — возмутилась она, услышав про журнал. — У меня электричка была.

— Ты ушла в восемь двадцать семь.

— Передачу я закончила в восемь десять.

— В восемь двадцать три ты ещё объясняла мне ключи.

— Ну поставила бы восемь двадцать. Из-за семи минут теперь подпись ехать ставить?

— Завтра поставишь.

Людмила шумно выдохнула.

— Как Михайлова?

— Уехала. Подала заявление.

— Ларин разберётся. Ты только не бери это домой. У нас половина пациентов уверена, что не спала, а запись показывает шесть часов.

— Ирина говорила ночью про акт?

— Про какой акт?

— Рабочий.

— Я с ней не разговаривала. Она в шесть сорок вышла к посту и уже твердила, что был мужчина. Я позвала Крылову.

— Ларину звонила?

— В такую рань? Нет. Андрею набрала. Всё, у меня ужин горит.

Связь оборвалась.

Наталья закрыла журнал. Три вопроса лежали в ящике стойки под её связкой ключей. Она могла сфотографировать лист, но не стала. На нём был номер комнаты пациента, а личный телефон не являлся рабочим архивом.

В семнадцать ноль пять пришла вечерняя администратор. Наталья передала ей незакрытые дела: курьерскую накладную, ожидание справки, заявление номер сто семнадцать. Про фразу Ларина не сказала. Это пока было не событие, а несходство двух разговоров.

У стеклянных дверей она увидела Ольгу Крылову. Медсестра надела пальто и несколько раз проверила карман, где лежал ингалятор.

— Вы домой? — спросила Наталья.

— До аптеки.

— Вы звонили Ларину после разговора с Ириной?

Ольга застегнула верхнюю пуговицу.

— Нет.

— Врач говорит, что передал ему про рабочий документ. Не помнит, говорил ли про вторник.

— А Ларин знает про вторник?

— Он сказал: «из-за неподписанного акта». Про день не сказал.

Ольга посмотрела через стекло во двор. Дождь рисовал на асфальте тёмные круги.

— Ирина произнесла это при нас, — сказала она. — Андрей мог запомнить лучше, чем думает.

— Мог.

— Или я могла сказать в процедурной старшей сестре, а она — директору. Не помню, говорила ли. Утро было шумное.

— Вы поэтому считаете точным только ответ «я видела, как пациентка это помнит»?

— Поэтому и ещё потому, что память — не журнал с печатью.

Ольга открыла дверь, но задержала её для Натальи.

— Вы подали заявку на замок?

— Директор забрал заявление.

— Это не ответ.

— Завтра спрошу номер технической задачи.

Медсестра кивнула. В этом кивке не было союза. Только признание, что новый администратор задал следующий правильный вопрос.

Они вышли под дождь. Ольга направилась к аптеке, Ната-

лья — к остановке. Через дорогу стоял её старый дом, но из-за замкнутого двора идти к нему приходилось вокруг целого квартала. В окнах центра уже зажигался тёплый свет. Комната двести шестнадцать оставалась тёмной: новую пациентку туда сегодня не поселили.

Наталья остановилась у ворот и посмотрела на второй этаж. Если ночью дверь не открывалась, мужчина мог быть сном. Если открывалась, замок должен был сохранить карту. Если запись замка не совпадёт с камерой, появится новый вопрос. Пока этого не было.

Было только заявление женщины, три незакрытые проверки и директор, который знал чуть больше, чем успел объяснить.

Для первого рабочего дня этого было достаточно.

Глава 2. Двор профилактория

Дом стоял через дорогу от «Линии ночи», но Наталья добралась до подъезда только через двенадцать минут. Замкнутый двор не имел прямого выхода к проспекту: с одной стороны его перегораживал бывший профилакторий, с другой — два девятиэтажных дома, поставленных углом. Между ними оставили арку, однако проезд перекрывал шлагбаум, а калитка открывалась магнитным ключом, которого у Натальи пока не было. Пришлось обойти квартал вдоль шиномонтажа, магазина детской одежды и пустого фонтана с облупившимися дельфинами.

Дождь кончился, но вода ещё капала с балконов. Возле третьего подъезда пахло мокрой землёй и кошачьим кормом. На лавочке под козырьком сидели две женщины, обе в стёганных жилетах, и смотрели, как Наталья возится с ключом. Они не поздоровались. Она тоже не стала: в детстве здесь здоровались со всеми, а теперь это могло прозвучать как просьба представиться.

В подъезде за двадцать семь лет почти ничего не изменилось. Те же бурые ступени, тот же узкий почтовый ящик с цифрой сорок восемь, только стены вместо зелёной краски покрыли серыми панелями. Между первым и вторым этажом горела лампа с датчиком. Она зажглась, когда Наталья подняла ногу на ступень, и погасла раньше, чем она дошла до

площадки. Следующую половину пролёта пришлось пройти в темноте.

Квартира матери встретила её сухим запахом закрытого шкафа. Наталья утром оставила форточку на кухне, но воздух почти не двигался. На столе стояла чашка, из которой она пила кофе перед работой, рядом лежал нож и половина яблока, потемневшая по краю. Она выбросила яблоко, сплоснула чашку и только потом сняла пальто.

Чемодан оставался в прихожей четвёртый день. Наталья вытаскивала из него вещи по мере надобности, словно приехала ненадолго и могла в любой момент получить обратный билет. Два свитера уже лежали на спинке стула. Бельё она переложила в нижний ящик комода. Платья висели в чехле на дверной ручке: для них требовалось освободить шкаф от материнских вещей.

Она открыла шкаф и сразу закрыла.

С верхней полки свисал пояс от синего халата. Мать носила его до больницы, затягивала слишком туго и прятала в карманы карамельки. После похорон Наталья отдала соседке лекарства, выбросила просроченные квитанции, вымыла холодильник. На одежду сил не хватило. Потом начался раздел квартиры с бывшим мужем, переезд Ильи в общежитие, продажа машины. Шкаф стоял нетронутым, как комната в гостинице, из которой постоялец ещё не выписался.

Наталья поставила на пол три пакета. В один следовало сложить то, что можно отдать, во второй — выбросить, в тре-

тий — оставить. Через пять минут в пакете «оставить» лежали халат, шерстяная кофта с вытянутыми локтями и три платка. Остальные были пусты.

Она включила чайник и подошла к окну.

Из кухни был виден весь двор. Внизу темнела круглая клумба, за ней — детская площадка с мокрой горкой и красной крышей над песочницей. Правее стояли мусорные баки, огороженные новым металлическим забором. За площадкой поднимался корпус профилактория: четыре этажа светлого кирпича, плоская крыша, застеклённая лестница на торце. Когда Наталья была маленькой, сюда приезжали работники приборного завода. По утрам они делали зарядку у клумбы под голос из хриплого громкоговорителя. Потом завод обанкротился, профилакторий несколько лет пустовал. Дети лазили через пролом в ограде и приносили оттуда алюминиевые ложки с выбитой буквой «П».

Теперь фасад выкрасили в белый, старые балконы заложили, а окна сделали одинаковыми и узкими. Вывеску «Линия ночи» со двора не было видно. Со стороны квартиры здание казалось учреждением без названия, где свет зажигался сам по расписанию.

Наталья без труда нашла второй этаж. Комната двести шестнадцать находилась в дальнем крыле, но какое именно окно ей принадлежало, она не знала. На плане между комнатами были служебные помещения, а снаружи простенки выглядели одинаково. Она насчитала двенадцать окон и начала

слева ещё раз. В трёх горел тёплый свет. В одном двигалась фигура в белом. Ещё за одним человек поднял руку, и на стекле появилась тёмная ладонь — вероятно, он задёргивал штору.

Чайник щёлкнул. Наталья отступила от окна, будто её могли заметить.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Она знала, что Илья обычно освобождается после семи, но написала только в половине восьмого: «Ты можешь говорить?» Сообщение получило две серые галочки. Ответа не было.

Она заварила чай и вернулась к шкафу. Сняла с вешалки первое платье матери, проверила карманы. В одном нашлась сложенная вчетверо бумажка с телефоном сантехника, в другом — билет на автобус двухлетней давности. Платье отправилось в пакет «отдать». Второе — туда же. На третьем отсутствовала пуговица, и Наталья машинально положила его на кровать, чтобы пришить.

Телефон зазвонил, когда игла уже была в нитке.

— Привет, — сказал Илья.

За его спиной гремела посуда и кто-то смеялся. Наталья представила кухню общежития, хотя сын уже полгода снимал квартиру с двумя однокурсниками. Она не знала, какая у них там кухня, какого цвета стены, есть ли стол. Илья прислал фотографию только однажды: кружка на подоконнике, за стеклом снег.

— Привет. Не отвлекаю?

— Минут пять есть.

— Как учёба?

— Нормально.

— Ты писал, что сдаёшь расчётную.

— Сдал.

— И как?

— Приняли.

Она ждала продолжения. Раньше Илья рассказывал, как преподаватель цепляется к обозначениям и не разрешает исправлять карандашом. Теперь слово «приняли» означало, что тема закрыта.

— Молодец, — сказала Наталья. — Я вышла на новую работу.

— Я помню. Центр сна.

— Первый день прошёл.

— Поздравляю.

Кто-то рядом спросил у него, будет ли он макароны. Илья прикрыл микрофон, ответил. Наталья различила только «потом».

— Ты ел? — спросила она.

— Мам.

— Что?

— Я не поэтому позвонил. Ты спросила, могу ли говорить, я могу. Но не надо сразу проверять, ел ли я.

— Хорошо. Не буду.

Она сказала это слишком быстро, как сотрудник, которого

поправил начальник. Илья услышал.

— Я не ругаюсь.

— Я тоже.

В трубке стало тихо. Наталья воткнула иглу в край материнского платья, чтобы не потерять. Пуговица лежала на ладони — маленькая, серая, с двумя отверстиями.

— Тебе прислать бабушкины фотографии? — спросила она.

— Какие?

— Альбомы здесь. Есть твои детские, есть старые. Я могу отсканировать.

— Не надо пока.

— Я не выбрасываю. Просто разбираю вещи.

— Понял.

— Твоя синяя куртка тоже здесь.

— Которая на десять лет?

— Наверное. На рукаве ракета.

— Выброси.

— Может, оставить?

— Зачем?

Наталья не нашла ответа. Куртка была мала ему уже девять лет. Оставить её можно было только ради той минуты, когда Илья вбежал в кухню и показал порванный рукав, испуганный не болью, а тем, что бабушка рассердится. Мать тогда не рассердилась. Нашла ракету на оба рукава, чтобы казалось, будто так и было задумано.

— Выброшу, — сказала Наталья.

— Как квартира?

— Всё по-прежнему. Во дворе качели новые. Профилактический переделали в мой центр.

— Прямо напротив?

— Из кухни видно окна.

— Удобно.

— Не знаю. Первый день был странный.

Фраза вышла прежде, чем она решила, стоит ли рассказывать. Илья не спросил, что случилось. Шум на его кухне стих, кто-то закрыл дверь.

— В каком смысле? — произнёс он наконец.

— Пациентка пожаловалась, что ночью к ней входили. По журналам никто не входил.

— Ты опять работаешь с жалобами.

— Я администратор. Это часть работы.

— Я не про должность.

— А про что?

— Ни про что. Просто первый день.

Наталья посмотрела на тёмный экран ноутбука. В нём отражалось окно центра и её собственное лицо поверх него.

— Я ничего не расследую, — сказала она. — Нужно проверить замок и запись, вот и всё.

— Я не говорил, что ты расследуешь.

— Но подумал.

— Мам, не надо решать, что я подумал.

Он произнёс это негромко. От такой интонации ей всегда хотелось объяснить подробнее, доказать, что она поняла верно, перечислить признаки. Раньше она считала это честно: лучше назвать обиду, чем делать вид, будто её нет. Во время развода эта привычка превратила каждый разговор в допрос. Илья научился отвечать так, чтобы ни одно лишнее слово нельзя было использовать дальше.

— Хорошо, — сказала Наталья. — Не буду.

— Мне пора. Ребята ждут.

— Конечно. Позвони, когда захочешь.

— Да.

— Спокойной ночи.

— И тебе.

Связь прекратилась. Разговор длился четыре минуты тридцать восемь секунд. Телефон предлагал перезвонить, написать сообщение или открыть сведения о контакте. Наталья положила его на стол, не выбирая ничего.

Она пришила пуговицу. Нитка оказалась темнее ткани, и каждый стежок был виден. Мать непременно распорол бы и переделала. Наталья оставила как есть, повесила платье в пакет «отдать» и завязала ручки.

К девяти вечера двор опустел. Дождь снова начался, мелкий и косой. Фонари зажглись не одновременно: сначала у арки, потом возле площадки, последним над подъездом про-филактория. Свет отражался в асфальте длинными жёлтыми полосами. В окнах центра остались гореть четыре прямо-

угольника на втором этаже и два на третьем.

Наталья приготовила гречку, съела половину и убрала сковороду в холодильник. Телевизор включать не хотелось. Из квартиры сверху доносился стук — ребёнок бегал по комнате от одной стены к другой. В старом доме звуки передавались непредсказуемо: казалось, что воду открыли у тебя в ванной, хотя трубы шумели двумя этажами ниже; разговор за стеной слышался отчётливо, а громкая музыка из соседней комнаты превращалась в глухое дрожание пола.

Она вспомнила слова Ирины: мужчина сидел там, где сейчас тумбочка. Или тумбочка была отодвинута.

Усталый человек мог принять стул за фигуру, шум воды — за голос, красную точку датчика — за лампу над дверью. Наталья знала это по гостинице. Постоялец однажды потребовал найти женщину, которая всю ночь плакала в соседнем номере. Номер пустовал, а плакал расшатанный клапан батареи. В другой раз мужчина уверял, что горничная вошла к нему без стука. Замок показал вход, камера — тележку у двери, а горничная призналась, что перепутала комнаты. Память ошибалась. Замки тоже иногда ошибались. Люди — чаще. Но ошибка не становилась выдумкой только потому, что имела простое объяснение.

Наталья открыла рабочий блокнот, который купила по дороге домой. На первой странице написала дату. Ни фамилии Ирины, ни номера комнаты указывать не стала. Записала три строки:

Заявление принято, номер 117.

Уточнить техническую задачу по замку.

Уточнить, кто и когда смотрел запись коридора.

Подумала и добавила: не хранить сведения пациента дома.

Последняя запись делала бессмысленными предыдущие. Она вырвала лист, разорвала на четыре части и выбросила. Завтра вопросы можно было восстановить без номера заявления. Если нельзя — значит, незачем было уносить их с работы.

Около одиннадцати Наталья расстелила диван в гостиной. Спальня матери оставалась закрытой. Не из суеверия — там стояла разобранная кровать, а матрас увезли после больницы. Она легла, поставила будильник на семь и выключила свет.

За шторами было слишком светло. Фонарь у подъезда падал прямо в комнату, и по потолку тянулась бледная полоса. Наталья перевернулась к стене. Наверху перестали бегать. Холодильник включился, пошумел и замолчал. Где-то во дворе хлопнула дверь машины.

Сон не приходил.

В половине двенадцатого она встала попить воды. На кухне не стала включать лампу. За окном двор казался глубже, чем днём. Освещённые окна висели отдельно от стен; между ними оставались чёрные провалы. В центре сна на втором этаже горели три комнаты. На третьем — одна. В застеклён-

ной лестнице медленно двигался свет, зажигаясь площадка за площадкой, будто кто-то поднимался вверх.

Наталья налила воду и осталась у окна.

Она не знала распорядка ночного отделения. Возможно, в половине двенадцатого пациентов только укладывали. Возможно, техник проверял датчики. В одном окне человек прошёл от двери к кровати, и свет качнулся, когда он задел штору. В другом ничего не происходило.

Наталья посмотрела на часы микроволновки: 23:34.

Ей стало неловко. Она стояла в тёмной кухне и наблюдала за чужими окнами сразу после разговора с сыном, который научился беречь от неё каждую подробность. Пусть с такого расстояния нельзя было увидеть лица и прочитаты документы, смысл оставался тем же: человек думает, что находится один, а кто-то собирает его движения в историю.

Она задёрнула штору.

Через минуту снова раздвинула её на ширину ладони.

Теперь она смотрела не на комнаты, сказала себе Наталья. На здание. Свет в учреждении — не личная тайна. Его видно всем жильцам дома. Если она заметит что-то случайно, это не будет слежкой.

Оправдание прозвучало слишком знакомо.

Во время развода она говорила себе, что открыла переписку Ильи случайно. Планшет лежал на кухонном столе, уведомление появилось поверх учебника, и Наталья увидела первые слова. Потом открыла диалог. Потом пролистала на-

зад, потому что хотела понять, давно ли сын знает о новой женщине отца. Потом сделала снимки экрана. Каждое действие имело отдельную причину, и только вместе они складывались в поступок, которому не находилось приличного названия.

Она отпустила штору. Ткань сошлась, оставив узкую щель.

В спальню Наталья не пошла. Села на кухне спиной к окну и стала читать инструкцию к новой стиральной машине, оставленную матерью в прозрачной папке. Через несколько страниц поймала себя на том, что слушает двор.

Ничего не было слышно, кроме дождя.

В 00:11 она всё-таки посмотрела снова. На втором этаже горели два окна. Одно — ближе к середине корпуса, второе — у торцевой лестницы. Наталья не могла знать, была ли среди них комната двести шестнадцать. Сегодня её не заселяли, но свет мог гореть в коридоре или соседней палате.

Она сфотографировала двор на телефон. Снимок получился зернистым: фонари расплылись, стены центра почти исчезли. Наталья сразу удалила фотографию, затем открыла папку удалённых файлов и стёрла оттуда. После этого положила телефон экраном вниз.

В 00:38 в доме напротив погасло несколько квартир. Центр не менялся. Наталья сварила ещё чай, хотя утром обещала себе не пить после восьми. От чая стало жарко. Она приоткрыла форточку, и в кухню вошёл запах мокрого ас-

фальта.

В 01:06 свет у торцевой лестницы мигнул. Не погас — стал тусклее, вернулся. Наталья подошла ближе. За стеклом никого не было. На нижней площадке горела белая лампа, на следующей — желтоватая. Возможно, разные лампы поставили при ремонте.

Она проверила время на телефоне и отругала себя. Завтра смена начиналась в девять. Ей следовало спать, а не подтверждать чужую бессонницу собственной.

Наталья ушла в гостиную, легла и натянула одеяло до подбородка. Дождь стучал по жестяному отливу. Каждый раз, когда она почти засыпала, отлив выдавал несколько быстрых капель, похожих на шаги. В 01:49 она поднялась и принесла на кухню полотенце, чтобы проложить его между рамой и металлом. Отлив был снаружи, достать до него не удалось.

В окне центра напротив лестницы горел свет.

Наталья уже собиралась закрыть штору, когда прямоугольник исчез.

Не мигнул, не потускнел. Погас сразу, словно внутри повернули выключатель. Одновременно темнота накрыла застеклённую лестницу и соседнее окно. Остальные окна продолжали гореть. Фонарь у входа не погас. Красная точка над служебной дверью оставалась видна.

Она посмотрела на телефон: 01:52.

Считать минуты было нелепо. В здании выключили свет в части помещений. Такое случалось везде. Уборщик мог за-

кончить работу. Дежурная сестра могла перевести освещение в ночной режим. Даже если пропало электричество на одном участке, это не имело отношения к пациентке, уехавшей утром.

Наталья стояла у окна.

В тёмной части корпуса ничего нельзя было разглядеть. Окна отражали фонари и редкие фары с проспекта. Один раз по лестничному стеклу прошла слабая красная полоска. Наталья повернула голову: во двор въезжала машина, её задние огни скользнули по фасаду. Машина остановилась у второго подъезда. Из неё вышел мужчина с пакетом продуктов.

В 01:55 на третьем этаже зажглось окно, которого раньше не было. Оно находилось почти над погасшим участком. Свет был холодный, голубоватый. За стеклом мелькнула чья-то тень, затем штора закрылась.

В 01:57 Наталья поняла, что сжимает телефон. Она не снимала. Просто держала его, как секундомер.

В 01:59 лестница и соседнее окно зажглись одновременно. Сначала белая площадка, затем жёлтая, затем комната. Семь минут.

Наталья записала время на обороте чека из магазина: 01:52–01:59, участок у торцевой лестницы. Чек не содержал имён, номеров комнат или медицинских сведений. И всё же, положив его рядом с чашкой, она почувствовала, что совершила нечто большее, чем посмотрела во двор.

Она не знала, отключалась ли в эти семь минут камера.

Не знала, имел ли погасший участок отдельный электрический щит. Не знала, был ли там служебный лифт: по плану он находился в дальнем конце коридора, но с какого торца, Наталья не запомнила. Семь минут могли означать замену лампы, проверку аварийного света, уборку или ничего.

Ирина тоже не знала точного времени. Три двадцать два или три двадцать семь. Она помнила голос и вопрос, но не видела, как открывалась дверь.

Наталья сложила чек пополам, потом ещё раз. Можно было завтра спросить у техника, были ли ночные работы. Обычный административный вопрос: почему на участке пропадал свет. Если он ответит, что меняли автомат, событие закончится. Если скажет, что свет не пропадал, появится несходство. Не доказательство. Только место, где одна версия не помещается в другую.

Телефон засветился в руке. Пришло сообщение от Ильи. «Куртку пока не выбрасывай. Я сам посмотрю, когда приеду».

Наталья прочитала дважды. Написала: «Хорошо». Удалила точку, чтобы ответ не выглядел сухим. Добавила: «Отложу». Убрала второе слово, потому что оно звучало как обещание, которого у неё не просили. В конце отправила одно: «Хорошо».

Серая галочка стала двойной. Илья сообщение не открыл. Наталья достала синюю куртку из нижнего ящика шкафа. Ракеты на рукавах были разными: правая чуть выше, на ле-

вой из-под края торчала белая нитка. Она не стала расправлять ткань и искать в карманах. Сложила куртку в чистый пакет, написала на нём «Илья» и поставила у закрытой двери спальни.

Когда Наталья вернулась на кухню, свет в центре горел ровно. Холодное окно на третьем этаже снова было тёмным. Двор выглядел таким же, как час назад: мокрая площадка, пустые лавочки, жёлтые дорожки фонарей.

Она убрала чек в отделение кошелька, где хранила гарантийные талоны. Не фотографировала и не переносила время в заметки. Завтра следовало начать не с семи минут, а с заявления номер сто семнадцать. Чужая жалоба уже существовала в рабочем порядке. Её наблюдение из окна — ещё нет.

В 02:14 Наталья легла. На этот раз повернулась к окну и не закрыла шторы до конца. Узкая полоса света лежала на потолке. Она смотрела на неё, пока та не перестала быть похожей на дверь.

Перед сном Наталья успела подумать, что утром обязательно спросит про электричество спокойно, между накладной на бельё и заявкой на замок. Так, чтобы ответ не успел подстроиться под вопрос.

Глава 3. Правильное утро

Утром чек в кошельке показался Наталье глупостью. Между гарантийным талоном на чайник и скидочной картой лежал сложенный клочок бумаги с двумя временами, записанными в два часа ночи. Если бы его нашёл Илья, он не стал бы спорить. Только посмотрел бы тем взглядом, после которого любое объяснение звучало признанием.

Наталья не выбросила чек. Переложила в боковое отделение и застегнула молнию.

Во двор она пришла без четверти девять. После ночного дождя воздух был прозрачным, и корпус центра казался меньше. У торцевой лестницы стояла стремянка. Мужчина в синей куртке протирал стекло длинной щёткой. Наталья замедлила шаг, проверяя, с какой стороны находился служебный подъёмник. На плане он был в дальнем конце второго этажа — именно за тем участком, где ночью исчез свет.

Внутри пахло кофе и нагретым пластиком. Вечерняя администратор Нина передавала смену. На этот раз фактическое время совпадало с журналом до минуты.

— Ночь тихая, — сказала Нина. — Четыре исследования, один досрочный подъём. В двести одиннадцатой девушка нажала вызов в пять сорок, испугалась маски. Крылова сняла, врач разрешил закончить.

— Электричество не отключалось?

Нина подняла глаза от списка.

— Нет.

— На торцевой лестнице свет гас примерно без восьми два.

— Ты откуда знаешь?

— Из дома видно.

— Может, датчик. Там ночью половину ламп выключают.

— Одновременно с комнатой рядом?

— Наташ, я не считаю чужие окна. Если аварии не было и сигнализация не пищала, значит, всё работало.

Она сказала это без раздражения, как правило, известное каждому опытному сотруднику. Наталья записала в журнал передачи только то, что относилось к смене. Про свет не написала.

— По заявлению сто семнадцать есть техническая задача?

— Ларин просил тебя зайти к нему, как придёшь.

— Это ответ?

— Это всё, что он сказал.

Нина застегнула сумку и ушла. Наталья включила компьютер. В системе обращений заявление Ирины значилось зарегистрированным вчера в 10:06. Исполнитель — директор. Срок ответа — тридцать дней. Поля «техническая проверка» не было. Она открыла журнал задач для обслуживающей компании и просмотрела вчерашние записи: заменить батарею в замке подсобки, настроить принтер врача, проверить датчик дыма на третьем этаже. Комнаты двести шест-

надцать в списке не было.

Кабинет Ларина находился на первом этаже за матовой дверью. Наталья постучала.

— Входите.

Директор сидел за столом без пиджака. Рукава белой рубашки были закатаны одинаково, ровно на два оборота. Перед ним стояли чашка и маленькая тарелка с нарезанным яблоком. На стене висели фотографии спящих людей: женщина на боку, мужчина с маской на лице, ребёнок, обнимающий игрушечного медведя. Наталья задержалась на последней.

— Детей принимаете?

— С двенадцати лет, с родителем. Но сегодня поговорим не об этом. Садитесь.

На столе лежало заявление Ирины. Ларин положил на него ладонь.

— Вчера вы хорошо справились с тревожной пациенткой. Не спорили, не обесценивали. Для первого дня это редкость.

— Я зарегистрировала обращение.

— Именно. А потом задали вопросы сотрудникам, технику, врачу и ночному администратору.

— Я принимала смену.

— Конечно. Поэтому хочу сразу договориться о границах. Мы лечим нарушения сна. Люди просыпаются внутри исследования, видят фрагмент комнаты, слышат разговор из коридора, а утром соединяют это в цельную сцену. Это не ложь и не симуляция. Это особенность пробуждения.

Он говорил так, будто продолжал лекцию для новых сотрудников.

— Значит, проверка заявления не нужна?

— Нужна. Но проверять будет тот, у кого есть доступ и медицинская ответственность. Вы отвечаете за то, чтобы человек был услышан и получил правильную процедуру ответа.

— Какая процедура правильная?

Ларин отодвинул чашку.

— Простая фраза: «После исследования возможны спутанные пробуждения. Мы зафиксируем ваше обращение и проверим записи». Не говорите «вам приснилось». Не говорите «такого не могло быть». И не спрашивайте, какие именно вопросы человеку задавали, если это не требуется для срочной помощи.

Наталья мысленно повторила формулу. В ней не было неправды. Только порядок слов заранее ставил объяснение перед проверкой.

— А если пациент спрашивает, входил ли кто-то в комнату?

— Вы отвечаете, что доступ проверяют.

— Кто проверит замок комнаты двести шестнадцать?

— Олег выгрузит события.

— Задача ему поставлена?

— Будет поставлена сегодня.

— Заявление поступило вчера утром.

Ларин улыбнулся без насмешки.

— У нас тридцать дней на письменный ответ, Наталья Викторовна. Разумеется, мы не будем ждать тридцать дней. Но и превращать первое воспоминание после исследования в пожарную тревогу нельзя. Вы работали в гостинице. Наверняка гости рассказывали вам невероятное.

— Иногда невероятное оказывалось входом чужой карты.

— А иногда шумела батарея.

Наталья вспомнила плачущий клапан. Она не рассказывала ему эту историю.

— Иногда батарея, — согласилась она.

— Вот и всё. Наша задача — не выбрать удобную версию, а не причинить человеку дополнительного вреда, пока проверяем.

Ларин убрал ладонь с заявления. Под ней оказался жёлтый стикер: «архив до 04:00, коридор чисто».

— Запись уже посмотрели?

— Коридор — да. Дверь не открывалась.

— Кто смотрел?

— Олег.

— С какого времени?

— Это будет в ответе пациентке.

— Мне нужно знать для передачи смены.

— Вам нужно знать, что оснований менять порядок работы нет.

Он повернул заявление текстом вниз. Разговор закончил-

ся не потому, что Наталья получила ответ, а потому, что Ларин перестал признавать вопросы рабочими.

— Вчера ночью на торцевой лестнице семь минут не было света, — сказала она.

Директор не сразу понял, о чём речь.

— Вы были в центре?

— Я живу напротив. Погасла лестница и соседнее окно, с 01:52 до 01:59. Ночная администратор говорит, аварии не было.

— Значит, не было.

— Почему тогда погас участок?

— Экономим электричество. На лестнице датчики движения.

— Соседнее окно тоже включается от датчика?

— Я не знаю, какое окно вы называете соседним. Там санузел, кладовая, комната персонала. Вы смотрели семь минут на здание ночью?

Вопрос был задан мягко. Наталья услышала в нём то, что сама думала у окна.

— Не непрерывно.

— Тогда тем более. Свет из окна — ненадёжный способ проверять медицинский центр. Если заметите неисправность на смене, внесите в журнал. Домашние наблюдения оставьте дома. Иначе вы очень быстро перестанете спать лучше наших пациентов.

Он протянул ей маленькую карточку. На ней была напе-

чатана фраза о спутанных пробуждениях, слово в слово.

— Мы даём такие администраторам. Не для заучивания, а чтобы не импровизировать в сложной ситуации.

Наталья взяла карточку. На обороте стояли номера врача, старшей сестры и охраны.

— По Михайловой я увижу техническую задачу сегодня?

— Увидите отметку об исполнении, если она относится к вашей части системы.

— Это значит «нет»?

— Это значит: не заменяйте своей тревогой установленный порядок.

Наталья вышла. За стойкой её ждала женщина в длинном бежевом кардигане. Рядом стоял чемодан на четырёх колёсах, поверх ручки висела прозрачная сумка с проводами и маской.

— Я уже двадцать минут, — сказала женщина.

На часах было 09:18. Наталья пришла к Ларину в 09:04.

— Простите, вас предупредили, что я в кабинете директора?

— Мне сказали ждать.

— Как я могу помочь?

Женщина положила на стойку пластиковую карту пациента.

— Выпишите меня сейчас. Я не буду ждать врача.

Карточка была на имя Веры Колесниковой, сорока семи лет. Комната двести одиннадцать — та самая, где пациентка

досрочно сняла маску.

— Врач должен оформить результаты и рекомендации. Я могу позвать его сюда.

— Результаты можете оставить себе. Мне нужно заявление, что я ушла сама, и копия назначений.

Наталья увидела на ногах женщины уличные туфли. Правая была зашнурована крест-накрест, левая — прямыми перемычками. Шнурки отличались и по длине: у правого конца едва сходились, у левого свисали почти до пола.

— Вы меня слышите? — спросила Вера.

— Да. Сейчас принесу бланк отказа от продолжения обследования и попрошу врача подойти. Вы можете не беседовать с ним, если не хотите, но он должен отметить ваше состояние при уходе.

— Состояние у меня нормальное. Только вкус во рту мерзкий.

Она провела языком по губам.

— Какой вкус?

— Сладкий. Как сироп от кашля из детства. Мне давали воду ночью?

Карточка Ларина лежала возле клавиатуры. Наталья прочитала первую строку, хотя уже помнила её.

— После исследования возможны спутанные пробуждения, — сказала она. — Мы зафиксируем ваше обращение и проверим записи.

Вера посмотрела на неё с удивлением, потом усмехнулась.

— Я ещё ничего не рассказала, а у вас уже готово, что мне показалось.

— Я не сказала, что вам показалось.

— Сказали вежливее.

Наталья перевернула карточку текстом вниз.

— Вы спросили, давали ли вам воду. Я могу позвать дежурную сестру и проверить назначения.

— Воду я сама налила перед сном. Утром стакан стоял там же, но полный. А туфли были под окном.

— Где вы их оставляли?

— У двери, на коврике. Шнурки были вынуты. Я всегда вынимаю их в дороге, иначе кожа растягивается.

Она подняла левую ногу.

— Сейчас они зашнурованы. По-разному. Я так не делаю.

— Вы сами обувались утром?

— Нет, туфли уже стояли у кровати. Я надела и только здесь заметила. Правый шнурок вообще не мой.

Наталья не спросила, кто мог переставить обувь. Вызвала дежурную сестру. Ответила не Ольга, а молодая женщина по имени Светлана.

— Колесникова? — переспросила она. — Пусть подождёт врача.

— Она отказывается. Жалуется на сладкий привкус и спрашивает, давали ли ей ночью воду или лекарство.

В трубке стало тихо.

— Сейчас посмотрю карту.

— Подойдите, пожалуйста, к стойке.

— У меня обход.

— Пациентка уходит до осмотра.

Светлана пришла через три минуты. Ей было не больше тридцати, волосы собраны под шапочкой, на переносице остался след от очков. Она поздоровалась с Верой и сразу взяла прозрачную сумку с оборудованием.

— Маску вы сами сняли?

— Да. В пять сорок.

— Почему не дождались сестру?

— Я нажала кнопку. Пришла женщина, помогла отклеить датчики.

— Я к вам приходила.

— Значит, вы.

Вера посмотрела на неё внимательнее.

— Нет. У той женщины были тёмные волосы.

— Ночью освещение другое. Я была в синей шапочке.

— Она была без шапочки.

Светлана перевела взгляд на Наталью.

— После исследования бывают короткие пробуждения, которые человек помнит как отдельные сцены.

Формула отличалась несколькими словами, но порядок был тот же.

— Мне давали лекарство? — спросила Вера.

— По назначению у вас только обычные препараты, которые вы принесли с собой. Вечером вы приняли свою таблет-

ку от давления.

— Я знаю. Она горькая и маленькая. А ночью было сладкое.

— Может быть сухость во рту после маски.

— Сухость не бывает сладкой.

— Я принесу карту.

Светлана ушла с сумкой. Вера наклонилась к стойке.

— Вы видели мои туфли вчера?

— Нет. Я закончила смену до вашего оформления.

— А камеры видели?

— В палатах идёт запись исследования. Я не могу её смотреть.

— Тогда запишите, что обувь переставили.

Наталья открыла электронную форму обращения.

— Я запишу вашими словами. Разрешаете указать сладкий привкус, полный стакан и положение обуви?

— Да. И шнурки. Особенно шнурки.

— Скажите точно, как они лежали вечером.

Вера описала: туфли у двери носками к стене, шнурки вынуты и вложены внутрь каждой. Утром туфли стояли у кровати носками к окну, обе зашнурованы, правый шнурок короче и тоньше её собственного. Время возможного пробуждения она не помнила. Часы не смотрела. Голоса не слышала. Сладкий вкус заметила сразу после подъёма в 05:36, когда запищал датчик маски.

— Датчик запищал или вы испугались? — уточнила На-

талья.

— Сначала писк. Потом маска будто перестала давать воздух. Я нажала вызов.

— Это запишем отдельно.

Светлана вернулась с планшетом.

— Вот назначения. Ночью ничего не вводилось и не выдавалось.

Она держала экран перед собой. Наталья видела только верхнюю строку с фамилией.

— Покажите пациентке, — сказала она.

— Это медицинская карта.

— Моя, — ответила Вера.

— Копию выдадим по заявлению.

— Мне не нужна вся карта. Скажите, что там между отбоем и подъёмом.

Светлана пролистала экран.

— Ничего. В 22:10 ваш препарат от давления. В 05:44 снятие маски по жалобе на дискомфорт.

— Кто снял?

— Я.

— А сладкое?

— Не знаю.

Впервые за разговор сотрудник центра сказал эти слова прямо. Вера перестала тереть губы.

— Так и запишите, — попросила она Наталью. — Сестра не знает, откуда сладкий вкус.

— Я не могу записывать вывод за другого сотрудника.

— Тогда запишите: в карте нет лекарства.

Наталья посмотрела на Светлану.

— Вы подтверждаете, что между 22:10 и 05:44 выдача лекарств не отмечена?

— На экране нет отметки.

— Это не одно и то же?

— Если препарат не назначался, отметки и не должно быть.

— Вы подтверждаете отсутствие назначения?

Светлана сжала планшет обеими руками.

— Я подтверждаю то, что вижу сейчас: в электронной карте нет назначения и введения препарата ночью.

Наталья внесла фразу почти дословно и повернула монитор к Вере. Та прочитала весь текст, исправила «сироп» на «сладкий привкус, похожий на сироп» и добавила, что не утверждает, будто видела лекарство. Потом подписала обращение кодом из сообщения.

— Номер двести двадцать один, — сказала Наталья. — Копию отправить на вашу электронную почту?

— Отправьте сейчас.

Система сформировала письмо. Вера открыла его на телефоне и только после этого согласилась подписать отказ от дальнейшего ожидания врача.

— Туфли хотите оставить для осмотра? — спросила Светлана.

— И домой босиком?

— Мы можем дать бахилы.

Вера рассмеялась. Смех получился коротким и злым.

— Нет. Туфли мои, я их заберу. А чужой шнурок можете получить, если дадите пакет и распишетесь.

Светлана не ответила.

Наталья достала из ящика новый прозрачный пакет для забытых вещей и наклейку. В гостинице такие пакеты закрывали при госте, указывали дату, место и подписи двух сотрудников. Здесь готового порядка для шнурка не было.

— Если вы хотите передать предмет центру, я могу составить акт в свободной форме, — сказала она. — Но сначала сфотографируйте свои туфли на собственный телефон, если считаете это нужным. Я не буду брать ваш телефон и не стану фотографировать на свой.

Вера сделала четыре снимка: обе туфли вместе, каждый шнурок отдельно, подошвы. Затем вынула правый шнурок. Наталья нашла чистый лист, описала предмет без предположений: серый синтетический шнурок длиной примерно восемьдесят сантиметров, снят владелицей с правой туфли у стойки администратора. Вера и Светлана поставили подписи. Пакет заклеили, номер обращения написали на наклейке.

— Куда вы его положите? — спросила Вера.

Наталья показала запираемый ящик для найденных предметов.

— До решения директора. Передачу отмечу в журнале.

— Директор уже умеет решать, что людям снится?

— Он отвечает за рассмотрение обращений.

Вера убрала туфлю без шнурка в чемодан и надела запасные кроссовки. У дверей она обернулась.

— Я не утверждаю, что меня напоили. Понимаете?

— Понимаю.

— Я утверждаю, что вечером мои вещи лежали иначе, а утром во рту было сладко. Если вы в ответе поменяете одно на другое, получится, будто я сумасшедшая.

— В обращении записано именно то, что вы сказали.

— Пока записано.

Вера вышла. Наталья занесла пакет в журнал найденных вещей. Светлана стояла рядом и листала карту.

— Вы правда не знаете, кто приходил к ней в пять сорок?

— спросила Наталья.

— Я приходила.

— Она описывает другую женщину.

— Она была в маске, только проснулась и испугалась.

Свет дежурный. Я сняла оборудование, она успокоилась.

— Стакан вы наполняли?

— Нет.

— Обувь трогали?

— Нет.

— Кто мог войти до вас?

Светлана заблокировала планшет.

— Если дверь открывали картой, будет в замке. Если из-

нутри — не будет.

— Пациентка могла открыть кому-то изнутри?

— Могла. Могла встать, переставить туфли, попить воды и не запомнить. При частичных пробуждениях люди делают сложные вещи.

— Даже меняют шнурки?

— Я не обувной эксперт.

Она взяла пакет за край.

— Отнесу Ларину.

— Распишитесь в журнале передачи.

— Вы мне не доверяете?

— Я вас второй день знаю. Но дело не в доверии. Пациентка передала предмет центру под три подписи.

Светлана вернула пакет и расписалась. Её почерк был крупным, последняя буква фамилии пересекла линию следующей строки.

Когда она ушла, Наталья открыла список технических задач. По заявлению сто семнадцать появилась новая запись: «Проверка доступа, ком. 216». Время постановки — 09:41, через две минуты после её разговора с Лариным. Исполнитель — Олег Семёнович. Срок — сегодня до шестнадцати.

Наталья не почувствовала облегчения. Задача существовала теперь, но вчера не существовала. Если бы она не спросила, неизвестно, когда её поставили бы.

В 10:12 Ларин вышел из кабинета с пакетом, где лежал шнурок.

— Это вы устроили приём вещественного доказательства? — спросил он.

— Пациентка передала предмет. Я описала, как получила.

— Мы не полиция.

— Поэтому я не называла его доказательством.

— И что центр должен с ним делать?

— Вернуть после проверки или передать тому, кто рассматривает обращение. Решать вам.

Ларин положил пакет на стойку.

— Пациенты перекладывают вещи ночью. Это известно. Некоторые едят, разговаривают, даже выходят в коридор и не помнят утром.

— В электронной карте нет ночного лекарства.

— И прекрасно. Значит, лекарство ей не давали.

— У неё был сладкий привкус.

— Он бывает от материала маски, зубной пасты, рефлюкса, сухости. Вы хотите, чтобы мы расследовали каждый вкус во рту?

— Я хочу, чтобы в ответе не написали, будто она заявила об отравлении. Она этого не заявляла.

Ларин посмотрел на неё дольше обычного.

— Вам кажется, что точность всегда защищает человека.

— А разве нет?

— Нет. Иногда перечень случайных деталей закрепляет тревогу. Человек приходит за помощью, а уходит уверенным, что его туфли подменили тайные злоумышленники.

Мы должны возвращать событиям нормальный размер.

— Нормальный для кого?

— Для медицины, Наталья Викторовна. Не для детективного романа.

Он взял карточку с готовой фразой, которую она оставила у клавиатуры, и постучал ею по стойке.

— Вы сказали Колесниковой это?

— Сказала.

— Помогло?

— Нет.

— Потому что вы сами не верили в порядок слов.

— Потому что она услышала объяснение до того, как сказала жалобу.

Ларин убрал карточку в карман рубашки.

— Хорошо. Сначала говорите: «Расскажите, что вы помните». Потом фиксируете. После этого — про спутанное пробуждение и проверку. Так вам будет честнее?

— Пациенту будет честнее.

— Пусть будет пациенту.

Он снова взял пакет.

— Я помещу это в сейф до ответа. Отметьте передачу.

Наталья открыла журнал. Ларин расписался, указал время 10:19 и номер своего кабинета.

— А ночное отключение? — спросила она.

— Олег проверит вместе с замком.

— Я не называла номер комнаты, связанный с отключе-

нием.

— Никакой связи нет. Вы сами сказали: торцевая лестница и соседнее окно. Там служебная зона. Олег знает, какой щит смотреть.

Ларин ушёл. Наталья перечитала свою запись. Она действительно сказала ему вчера про участок у лестницы, а сегодня — про комнату рядом. Служебный лифт на плане находился там же. Директор ничего нового не выдал.

И всё же фраза «никакой связи нет» прозвучала раньше, чем Наталья предложила связь вслух.

В полдень Олег Семёнович пришёл менять батарею в подсобке. Наталья дождалась, пока он закончит, и показала техническую задачу.

— По двести шестнадцатой сегодня успеете?

— Уже выгрузил.

— Тогда почему задача открыта?

— Ларин должен закрыть после просмотра.

— Какие входы были ночью?

Олег поправил очки.

— Я не выдаю данные доступа администраторам.

— Вчера вы рассказывали про камеры.

— Рассказывать, как устроено, и показывать, кто куда ходил, — разные вещи.

— Запись коридора вы смотрели?

— Смотрел.

— С какого времени до какого?

— Это в отчёте.

— Свет у служебного лифта в 01:52 отключался?

Олег перестал укладывать отвёртки.

— Откуда у вас точное время?

— Из окна видела.

— Вчера?

— Сегодня ночью.

— Питание камер и свет разные. Даже если лампы выключить, камеры работают.

— Я спрашиваю про свет.

— А я отвечаю про то, что вас интересует.

Он защёлкнул чемоданчик.

— В это время у нас идёт автоматическая проверка аварийного блока. Может отключиться часть света на несколько минут.

— Каждый день?

— По графику.

— Где отмечается проверка?

— В техническом журнале.

— Сегодняшняя отмечена?

— Ночная. Сегодня ночью — значит, сегодняшняя.

— Можно увидеть запись?

— Администратор не отвечает за электрику.

— Но за безопасность людей при эвакуации отвечает весь персонал.

Олег вздохнул.

— Запросите у директора. Сам я внутренний журнал вам не покажу.

— Проверка всегда длится семь минут?

— По-разному.

— Почему одновременно погасло окно комнаты рядом?

— Там не палата.

— Что там?

— Комната персонала.

— Ночью в ней кто-то был?

— Этого я не знаю.

Он ушёл через служебную дверь. Наталья отметила для себя только подтверждённое: участок у лестницы питался отдельно; ночное отключение могло быть плановой проверкой; Олег утверждал, что оно должно отражаться в техническом журнале. Ни одну из этих строк она не записала дома.

В 15:48 задача по комнате двести шестнадцать закрылась. В комментарии значилось: «События доступа соответствуют журналу обходов. Нарушений нет». Кто именно входил и в какое время, система не показывала. Запись коридора в комментарии не упоминалась.

Наталья позвонила Олегу.

— Что значит «соответствуют»? В журнале есть вход Ольги в 02:04 и наружная проверка санитара в четыре.

— Значит, это и есть.

— В замке есть карта Ольги в 02:04?

— Есть разрешённый вход.

— Чья карта?

— Отчёт у директора.

— Время?

— Наталья Викторовна, я закрыл задачу. Если вам нужны персональные данные сотрудников, подайте служебную записку.

Он отключился.

Наталья открыла журнал обращений. У заявления Ирины появился внутренний комментарий Ларина: «Объективных признаков входа посторонних не установлено. Подготовить разъяснение о феноменах частичного пробуждения».

Не «входов не было». Не «замок показывает только Крылову». Посторонних не установлено. Разрешённым входом могла оказаться любая служебная карта, если тот, кто проверял, считал её разрешённой.

Обращение Веры пока оставалось без комментария. Электронная карта по-прежнему не содержала ночного назначения — это Наталья видела только со слов Светланы, но фраза была внесена и подписана самой пациенткой.

Перед концом смены Наталья достала чистый рабочий лист и составила передачу для Нины. Курьерская накладная закрыта. Задача по замку 216 исполнена, подробности у директора. Обращение 221 принято, предмет передан Ларину по журналу. Пациентка указала сладкий привкус; ночного назначения и введения препарата в электронной карте на момент проверки Светланой не было.

Она не написала «пациентке ничего не давали».

Ларин подошёл в 16:57, прочитал лист через её плечо.

— Очень осторожно, — сказал он.

— Точно.

— Точность тоже бывает способом намекнуть.

— На что я намекаю?

— На то, что запись могла исчезнуть позже или появиться задним числом.

— Я этого не писала.

— Но оставили время проверки.

Наталья повернулась к нему.

— Если запись изменится, время будет важно.

— Вот видите.

— А она изменится?

Ларин улыбнулся, но глаза остались неподвижными.

— Правильный ответ пациенту успокаивает. Неправильный размножает версии. Подумайте об этом до следующей смены.

— Правильный ответ — это тот, который успокаивает, или тот, который можно проверить?

— В хорошей медицине одно не противоречит другому.

Он ушёл в кабинет.

Вечером, уже на улице, Наталья посмотрела на торцевую лестницу. Дневной свет не позволял понять, какие лампы внутри горят. За одним из окон второго этажа уборщица двигала швабру. Возможно, это и была комната персонала. Воз-

можно, ночью там просто выключили свет для проверки.

Она не стала задерживаться у ворот.

На углу открыла кошелёк и вынула чек. На свободном месте под ночным временем написала два номера: 117 и 221. Потом зачеркнула. Номера относились к людям, а чек снова ехал с ней домой.

Наталья разорвала край с записью и бросила в урну. Оставшуюся часть чека сохранила для гарантии на чайник.

До дома было двенадцать минут вокруг квартала. За это время она повторяла не фразу Ларина, а слова Веры: вечером вещи лежали иначе, утром во рту было сладко. Между этими двумя точками пока не было истории.

Кто-то очень хотел вставить туда сон.

Глава 4. Ярлык Крыловой

На третью смену Наталья пришла раньше на двадцать минут и застала Ольгу Крылову у контейнера для медицинских отходов. Контейнер стоял в маленьком помещении между процедурной и служебной лестницей. Дверь была открыта, в коридоре пахло спиртом и влажной бумагой.

Ольга держала жёлтый пакет за прозрачный край и читала наклейку, не касаясь содержимого. На ней были перчатки и защитные очки. Рядом на стуле лежал журнал в синей обложке.

— Я подожду с передачей, — сказала Наталья.

— Уже увидели, значит, стойте за порогом.

Ольга не подняла головы. Щипцами вынула из пакета пустую пластиковую упаковку, положила на одноразовую пелёнку. Внутри ничего не осталось, только свернутая трубка и бумажный ярлык с чёрной полосой.

— Что это?

— Набор для введения раствора.

— Чей?

— Вот это я и хочу узнать.

Ольга сверила номер на ярлыке с планшетом. Потом открыла шкаф, достала коробку такого же размера и сравнила штрихкоды.

— Вчера выдавали такие наборы?

— Я не выдавала.

— Другая сестра могла?

— Могла. Только расход должен быть в программе и в листе процедур.

— А его нет?

— Пока я сказала только, что не выдавала.

Ольга говорила сухо, но не прятала упаковку. Наталья осталась у порога. За её спиной прошёл санитар Белов с пачкой белья, бросил взгляд внутрь и ускорил шаг.

— Откуда пакет? — спросила Наталья.

— Из контейнера служебной комнаты второго этажа. Уборщица принесла вместе с обычными отходами. Так нельзя делать даже с пустой упаковкой, если она была в процедурной зоне.

— Сладкий раствор бывает?

Щипцы замерли.

— Бывает много растворов. Не соединяйте предмет с жалобой только потому, что увидели его на следующий день.

— Я спросила.

— Вы уже соединили.

Ольга положила упаковку на пелёнку и сняла верхнюю пару перчаток.

— Колесникова говорила про сладкий вкус. В карте ничего нет.

— Я читала передачу смены.

— Тогда это нужно сохранить.

— Нужно сначала установить, что именно нашли.

Наталья достала телефон. Ольга шагнула к двери и протянула ладонь.

— Уберите.

— Я хотела сфотографировать номер, не отходы.

— На личный телефон вы здесь не фотографируете ничего.

— Если упаковка исчезнет?

— Тогда фотография в вашем телефоне докажет, что вы нарушили санитарные правила и порядок работы с внутренними данными. А упаковка всё равно исчезнет.

— На ярлыке нет фамилии.

— Есть номер партии, внутренний код и время печати. Этого достаточно, чтобы связать его с выдачей, если выдача была. Уберите телефон.

Наталья убрала. Ей стало жарко, хотя в коридоре тянуло от окна.

— Вчера я сама сказала пациентке фотографировать туфли на её телефон.

— Её туфли и её телефон. Здесь не ваше имущество и не ваши данные.

— Но если официальный порядок контролирует Ларин? Ольга посмотрела на неё поверх очков.

— Вы хотите узнать, что я думаю о директоре, или сохранить предмет?

— Сохранить.

— Тогда не заставляйте меня защищать правильное действие неправильным способом.

Она сняла с упаковки бумажный ярлык щипцами, не разрывая пломбу. Положила в маленький прозрачный пакет, заклеила и написала время обнаружения. Затем открыла синий журнал.

— Это журнал брака и несоответствий. Если упаковка оказалась в неправильном месте, я могу зарегистрировать её независимо от того, использовали набор или просто вскрыли и выбросили.

— Его нельзя удалить?

— Бумажную страницу можно вырвать. Но номера идут подряд, копия записи уходит старшей сестре и в снабжение. Если кто-то захочет убрать след, ему придётся объяснить пропуск трём людям.

Ольга заполнила строку: дата, время, наименование, номер партии, место обнаружения. В графе «характер несоответствия» написала: «Вскрытая первичная упаковка без соответствующей записи о выдаче на момент обнаружения; помещена в карантин до сверки».

— Почему «на момент обнаружения»? — спросила Наталья.

— Потому что запись могли внести с задержкой.

— Законно?

— Забытая отметка бывает. Если сестра срочно помогала человеку, а потом отвлеклась, она внесёт фактическое вре-

мя и объяснит поздний ввод. Нельзя заранее назвать любую задержку подлогом.

— А если запись появится теперь?

— Будет видно время внесения.

Это была та же осторожность, за которую Ларин упрекнул Наталью, только здесь она не уменьшала событие. Ольга оставляла место обычной ошибке, не позволяя ошибке закрыть проверку.

— Я могу расписаться свидетелем обнаружения?

— Вы не видели, как пакет вынули из контейнера. Вы пришли позже.

— Видела упаковку на пелёнке.

— Вот это и можете подтвердить.

Ольга добавила в примечании: «При осмотре упаковки присутствовала администратор Н. В. Соколова с 08:42». Наталья поставила подпись.

— Теперь ярлык не исчезнет?

— Теперь его исчезновение тоже станет событием.

Ольга положила пакет в металлический шкаф и заклеила дверцу полоской бумаги со своей подписью. Потом позвонила старшей сестре.

— Тамара Павловна, у меня несоответствие по набору, партия семьдесят четыре дробь одиннадцать. Вскрытая упаковка из отходов служебной комнаты второго этажа, выдачи в программе не вижу. Записываю под номером сорок восемь.

Наталья слышала только ответы Ольги.

— Нет, не утверждаю, что использован. Да, сверю остаток.
Нет, до сверки не выбрасываю. Хорошо.

Она отключилась.

— Старшая считает, что это ошибка уборщицы?

— Старшая считает, что у неё планёрка через восемь минут.

— А вы?

— Я считаю упаковки.

Ольга сняла очки и устало потерла переносицу. Только теперь Наталья заметила сероватую кожу под глазами.

— Вы были ночью?

— До одиннадцати. Потом меня сменила Светлана.

— В служебную комнату заходили?

— За растворами в двадцать один десять. Контейнер был пустой, новый пакет стоял в корзине.

— Значит, упаковка появилась после.

— Значит, я её не видела до конца своей смены. Не превращайте одно в другое.

Ольга достала из кармана ингалятор, сделала один вдох и подождала, пока дыхание выровняется.

— Вам помочь с остатками?

— Вы умеете считать медицинские изделия по партиям?

— Умею считать мини-бар после выезда футбольной команды.

— Это не делает вас процедурной сестрой.

— Я могу читать номера вслух, а вы отмечать.

Ольга задумалась.

— Только закрытые коробки. Ничего не вскрываете и не трогаете внутреннюю упаковку.

Они начали со склада у процедурной. Ольга снимала коробки, называла партию и количество, Наталья сверяла с распечаткой. Наборы из партии семьдесят четыре дробь одиннадцать поступили неделю назад — двадцать штук. По программе выдали семь. В шкафу лежало двенадцать.

— Не хватает одного, — сказала Наталья.

— Не хватает одной закрытой упаковки. Найденная может быть этой одной.

— Тогда сходится.

— По количеству. Не по назначению.

В распечатке семь выдач относились к дневным процедурам. Все имели фамилии пациентов и подписи сестёр. Восьмой выдачи не было.

— Можно распечатать текущее состояние? — спросила Наталья.

— Уже распечатано.

Ольга указала на время в углу листа — 08:46.

— А после появления записи?

— Распечатаю ещё раз. Две версии покажут изменение.

— Это вы называете правильным способом?

— Это я называю обычной работой. Если человек исправляет ошибку, старая запись не должна исчезать так, будто её не было.

Они вернулись к стойке. Наталья приняла смену, проверила обращения. Заявление Веры уже получило исполнителя — Ларина. Внутренний комментарий гласил: «Проверить жалобу совместно с медицинской службой». У заявления Ирины срок ответа не изменился.

В 09:20 Ларин вызвал Ольгу. Через матовую дверь были слышны только отдельные слова. «Упаковка». «Уборка». «Без назначения». Потом голос директора стал тише.

Ольга вышла через семь минут, держа журнал под мышкой.

— Он забрал ярлык? — спросила Наталья.

— Ярлык в карантинном шкафу.

— Просил отдать?

— Просил не раздувать техническое несоответствие до результатов сверки.

— Как карточка про спутанное пробуждение.

— Не всё на свете одна история.

— Но истории уже две. Ирина и Вера.

— У одной воспоминание о вопросах. У другой обувь и привкус. Не склеивайте людей ради красивой версии.

Наталья почувствовала раздражение.

— Я не склеиваю. В обеих комнатах ночью мог кто-то быть.

— В каждой палате ночью бывает персонал. Это центр сна, а не камера хранения.

— Тогда почему входы нельзя назвать прямо?

— Спрашивайте того, кто не называет.

Ольга повернулась к лестнице.

— А вы почему сохраняете ярлык?

Медсестра остановилась.

— Потому что вскрытый набор без записи — нарушение независимо от ваших догадок. Мне не нужно верить пациентке, вам или директору, чтобы зарегистрировать несоответствие.

— А если выяснится, что набор использовали для Веры?

— Тогда появится вопрос, что вводили, кто назначил и кто выполнил. До этого у нас есть только упаковка.

— Вы всегда так разделяете?

— Когда получается.

Ольга ушла. Наталья поняла, что ожидала другого: короткого признания, взгляда, означающего «я тоже вижу». Вместо него получила правила обращения с ярлыком. От этого союз казался слабее, но след — крепче.

Ближе к полудню у стойки появилась уборщица Валентина. Невысокая женщина в фиолетовой форме держала связку мешков.

— Крылова сказала написать объяснение, — сообщила она.

— Я не принимаю медицинские объяснения.

— А кто принимает?

— Старшая сестра или директор.

— Тамара Павловна занята. Ларин велел через админи-

стратора.

Наталья позвонила директору. Он подтвердил:

— Дайте ей чистый лист. Потом занесите мне.

— Объяснение о найденной упаковке относится к журналу несоответствий. Может, его должна принять Крылова?

— Крылова не руководитель уборщицы.

— Тогда я зарегистрирую входящий документ и передам вам.

Ларин помолчал.

— Хорошо. Только не устраивайте допрос.

Наталья дала Валентине лист и ручку.

— Напишите сами, что делали с отходами вчера и сегодня. Я не буду подсказывать формулировки.

— А как правильно?

— Как было.

Валентина села в кресло у окна. Писала медленно, прижимая язык к губе. Один раз попросила новый лист, потому что ошиблась в дате. Наталья не заглядывала через плечо.

Через десять минут уборщица принесла две страницы.

— Я пакет не открывала, — сказала она. — Он уже был завязан.

— Здесь это написано?

— Написано. В семь десять забрала из комнаты отдыха. Там нельзя медицинское, я знаю. Но пакет жёлтый стоял в серой корзине. Я решила, Крыловой покажу.

— Кто был в комнате?

— Никого.

— Это в объяснении есть?

— Нет. А надо?

— Я не подсказываю содержание. Если считаете важным, допишите сами.

Валентина дописала одну строку и поставила время. Наталья зарегистрировала документ, выдала номер и отнесла Ларину. Он быстро прочитал.

— Видите? Уборщица смешала пакеты.

— Она пишет, что жёлтый пакет уже стоял в обычной корзине.

— Вот именно. Кто-то выбросил упаковку не туда, она перенесла. Санитарная ошибка.

— Кто выбросил?

— Установим.

— В комнате отдыха есть камера?

— Нет. И не должно быть.

— Электронный замок?

— Обычный ключ у персонала.

— Та комната выходит окном во двор?

Ларин поднял голову.

— Опять свет?

— Олег сказал, что рядом с лестницей комната персонала. Ночью там свет погас вместе с лестницей.

— Потому что там один участок питания. Я уже ответил.

— Он сказал про автоматическую проверку аварийного

блока.

— Это не противоречит.

— В техническом журнале есть запись?

— Есть.

— Вы её видели?

— Наталья Викторовна, вы второй день требуете документы, которые не относятся к вашим обязанностям.

— Третий.

— Что?

— Сегодня третий рабочий день.

Ларин положил объяснение в папку.

— Тогда пора понять обязанности. Вы принимаете людей, оформляете обращения и передаёте их ответственным. Вы не проверяете электрику, лекарства и медицинские отходы.

— Я и не проверяла. Я увидела, как Крылова зарегистрировала упаковку.

— И подписались свидетелем.

— Я присутствовала при осмотре с 08:42. Так и написано.

— Крылова любит журналы. Вы, похоже, тоже.

— Журнал не просит верить.

На лице Ларина появилось выражение, похожее на усталость.

— Вы ошибаетесь. Любая запись просит верить тому, кто её сделал. Чернила не превращают человека в прибор.

— Но показывают, что он был готов отвечать за слова в определённое время.

— Или готовился защищать себя заранее.

Наталья подумала об исправленном времени Людмилы. Запись могла защищать. Могла обвинять. Могла быть сделана позже. Поэтому рядом существовали часы, карты, подписи и другие люди. Не один журнал с печатью, как сказала Ольга в первый день.

— Вы закроете несоответствие сами? — спросила Наталья.

— Медицинская служба закроет после сверки.

— Я увижу результат?

— Если Крылова сочтёт нужным.

После обеда в программе появилась восьмая выдача набора из нужной партии. Наталья узнала об этом не из медицинской карты. Ольга подошла к стойке с двумя распечатками и положила их рядом, закрыв листом фамилии пациентов.

— Смотрите только нижнюю строку.

На первой распечатке было семь операций. На второй — восемь. Новая строка имела фактическое время 01:41 и время внесения 13:06 сегодняшнего дня.

— Кому? — спросила Наталья.

— Не ваше дело.

— Комната двести одиннадцать?

— Не отвечу.

— Тогда зачем показываете?

— Вы подписали присутствие при обнаружении. Теперь можете подтвердить, что поздняя запись появилась. Не со-

держание.

— Кто внёс?

— Светлана.

— Что она объяснила?

— Срочное введение по устному назначению врача. Отметить забыла из-за вызова в другой палате.

— Какой раствор?

— Наталья.

— Сладкий?

Ольга собрала листы.

— Растворы не определяют на вкус пациента. И я не буду обсуждать чужое назначение у стойки.

— Устное назначение допустимо?

— В экстренной ситуации — с последующим оформлением. Теперь нужно проверить врача, время и причину. Это делает старшая сестра.

— Ларин знает?

— Уже знает.

— Вера тоже должна узнать, если это её карта.

— Если её — получит ответ на обращение.

— Через тридцать дней?

— Я не назначаю сроки.

Наталья понизила голос.

— Ольга Васильевна, если запись появилась только после найденного ярлыка, кто-то мог никогда её не внести.

— Мог.

Это было первое слово, в котором Ольга не оставила дополнительную двери.

— И что теперь?

— Теперь ярлык остаётся в карантине. Несоответствие не закрыто. Светлана пишет объяснение, врач подтверждает или не подтверждает назначение. Остаток пересчитан. Две распечатки приложены к журналу.

— А если вас заставят закрыть?

— Тогда будет подпись того, кто заставляет.

— Вы мне доверяете?

Ольга посмотрела на неё почти сердито.

— Я доверяю вашей подписи под тем, что вы действительно видели. Это пока всё.

Наталья кивнула. Ей хотелось обидеться, но формулировка была честной.

В 16:30 Светлана прошла мимо стойки с красными пятнами на щеках. Не поздоровалась. Через несколько минут Наталью вызвал Ларин.

— Вы обсуждали с Крыловой позднюю запись? — спросил он.

— Она показала, что появилась восьмая выдача. Фамилии были закрыты.

— И сообщила детали устного назначения.

— Сказала только, что Светлана сослалась на срочную ситуацию.

— Этого достаточно, чтобы вы построили очередную вер-

сию.

— Я не строила. Я спросила, что будет дальше.

— Дальше медицинская комиссия проверит. До результата вы не упоминаете находку пациентам и сотрудникам.

— Я и не собиралась.

— Не звоните Колесниковой.

— У меня нет её номера вне системы.

— Не ищите.

— Почему вы думаете, что я стану искать?

Ларин откинулся в кресле.

— Потому что вы уже наблюдаете здание из окна, расспрашиваете техника, храните время на чеках и считаете, что процедура слишком медленная. Люди с таким устройством характера редко ждут.

Наталья почувствовала холод в ладонях.

— Откуда вы знаете про чек?

— Про какой чек?

В кабинете было тихо. На тарелке лежали свежие дольки яблока, одинаковой толщины.

— Вы сказали «храните время на чеках».

— Это выражение. Вы назвали время до минуты, наблюдая из квартиры. Предположил, что записали на том, что было под рукой.

— Угадали.

— Видите, как легко точное предположение кажется тайным знанием?

Он улыбнулся. Наталья не ответила.

— Идите домой вовремя, — сказал Ларин. — И постарайтесь сегодня не смотреть в наши окна.

В коридоре Ольга ждала у процедурной.

— Что он хотел?

— Чтобы я не звонила пациентке и не смотрела в окна.

— Разумно.

— Он угадал, что я записала время на чеке.

— Вы могли сказать кому-то.

— Не говорила.

— Тогда угадал. Вы действительно записали?

— Да.

— Сохранили?

— Часть с временем выбросила.

— Хорошо.

— Почему хорошо? Это было единственное, что фиксировало семь минут.

— Потому что домашний чек не относится к рабочему учёту и затягивает вас туда, где вы начнёте собирать чужие окна. Если отключение важно, добивайтесь технического журнала законно.

— Вы на его стороне?

— Я на стороне действий, за которые могу расписаться.

Ольга открыла процедурную, потом задержалась.

— Завтра подайте служебную записку о проверке аварийного света как сотрудник, который живёт напротив и заме-

тил отключение. Без пациентов, замков и предположений. Пусть дадут письменный ответ.

— Ларин её получит.

— Конечно. Смысл записи не в том, чтобы спрятать её от директора. Смысл в том, чтобы ответ тоже пришлось записать.

Ольга вошла и закрыла дверь.

Наталья закончила передачу смены. В ней не было ни ярлыка, ни восьмой выдачи: медицинское несоответствие велось в другом журнале. Она указала только номер своего входящего объяснения Валентины и место передачи директору.

Уже дома Наталья подошла к кухонному окну. В центре зажигались вечерние лампы. Она дотронулась до шторы, но не раздвинула.

На столе лежал чистый лист. Наталья написала служебную записку от руки: такого-то числа с 01:52 до 01:59 наблюдала отсутствие освещения на торцевой лестнице и в соседнем служебном помещении, при сохранении наружного света и освещения других участков. Просит подтвердить, являлось ли отключение плановой проверкой, и указать, зафиксирован ли результат в техническом журнале.

Ни Ирины, ни Веры, ни служебного лифта в записке не было.

Наталья перечитала текст и оставила дату пустой. Поставит её завтра у стойки, перед регистрацией.

За шторами центр продолжал работать. Она не знала, по-

гаснет ли свет снова. Впервые за три ночи ей не требовалось смотреть.

Если погаснет, событие останется там. Если письменный ответ окажется ложью, ложь придётся кому-то подписать.

Глава 5. Гостиничная память

Утром служебная записка лежала в прозрачной папке вместе с паспортом Натальи и старой квитанцией за электричество. Она взяла папку не потому, что эти бумаги были нужны, а чтобы лист не помялся в сумке. У входа в центр поставила дату, расписалась и попросила Людмилу зарегистрировать документ при ней.

— Ты теперь всё через входящие? — спросила Людмила.

— То, на что нужен письменный ответ.

— Олег же сказал: проверяли аварийный блок.

— Я прошу подтвердить, есть ли запись о проверке.

Людмила пожала плечами, открыла электронный журнал и присвоила записке номер сто двадцать три. На бумажной копии поставила штамп с датой. Наталья убрала копию в шкафчик, а оригинал Людмила положила в синюю папку для директора.

— Светлана ночью опять задержалась, — сообщила она, возвращаясь к передаче. — В третьем часу звонила, чтобы я нашла форму обходов за прошлую неделю. Будто утром нельзя.

— Нашла?

— Она сама нашла. У нас всё лежит по папкам. Только теперь половину стола заняли эти проверки.

На стойке действительно стояли три картонные папки. На

корешках было написано: «Назначения», «Обходы», «Техника». Рядом лежал список документов для внутренней проверки несоответствия номер сорок восемь. Фамилий пациентов в списке не было, только номера комнат и даты.

Наталья не стала открывать папки до конца передачи. Людмила перечислила двух выписавшихся, одного пациента с ранним анализом и сломанную ручку на окне в комнате двести восемь. В журнале было написано: «Ручка окна неисправна, технику сообщено в 05:20». Под строкой Олег поставил отметку «осмотрено, заявка принята» и время 05:34.

— Он в половине шестого уже был здесь? — спросила Наталья.

— У него дежурство с пяти.

— Понятно.

Людмила посмотрела на неё с ожиданием, словно вопрос обязательно должен был иметь второй смысл. Наталья закрыла журнал.

— Это всё?

— Всё. Тихая ночь.

В гостинице фраза «тихая ночь» почти никогда не означала отсутствие событий. Она означала, что никто не умер, не дрался и не вызвал пожарных. За тихую ночь администратор успевал выдать запасное одеяло, принять забытый ключ, вызвать такси, объяснить, почему завтрак нельзя перенести в четыре утра, и трижды попросить курящих постояльцев отойти от входа. Если передача состояла из двух ров-

ных строк, Наталья знала: либо сменщик ничего не записывал, либо переписал черновик перед её приходом.

В «Линии ночи» тихая ночь выглядела ещё аккуратнее. В электронной передаче стояли четыре одинаковых отметки: «Состояние палат без особенностей». Время — 00:30, 02:30, 04:30 и 06:30. Ни воды, ни туалета, ни сползшего датчика, ни просьбы поправить подушку. Двенадцать спящих людей прожили ночь по линейке.

— Кто делал обходы? — спросила Наталья.

— Светлана и Белов. Как обычно.

— В половине седьмого тоже?

— Светлана.

Людмила уже застёгивала куртку.

— Формы в папке, если тебе для проверки надо. Ларин сказал подготовить копии по двести одиннадцатой и соседним комнатам. Только оригиналы со стойки не уноси.

— Он мне поручил?

— Он сказал, администратор дневной смены соберёт комплект. Кто сегодня дневной?

Наталья открыла список. Требовалось снять копии с листов ночных обходов второго этажа за три даты, с технического журнала и с передачи смен. Рядом с каждым пунктом была пустая клетка. Внизу значились получатель и срок: Артём Ларин, до четырнадцати часов.

Работа была обычной и разрешённой. Именно поэтому Наталья почувствовала настороженность. Ещё вчера дирек-

тор просил её не строить версий, а сегодня отдавал в руки те самые листы, которые могли показать входы в комнаты. Возможно, там было нечего скрывать. Возможно, он хотел, чтобы она сама это увидела.

Она начала с передачи смен. Каждый документ доставала из папки, клала на стойку, сверяла дату со списком, делала копию на аппарате за спиной и сразу возвращала оригинал. Копии складывала в новый файл. На них попадали фамилии, поэтому файл не оставляла открытым, когда к стойке подходили пациенты.

В девять выписывался мужчина из двести пятой. Он долго искал футляр от очков, хотя тот лежал у него в нагрудном кармане. Наталья вызвала санитарку проверить комнату, вернула залог за ключ и дождалась, пока мужчина сам подпишет акт.

— Ночью хорошо спали? — спросила она по утверждённой форме.

— Как убитый. Только утром будто всю ночь вагоны разгружал.

— Есть конкретные жалобы на условия или работу сотрудников?

Мужчина подумал.

— Подушка жаркая. Это считается?

— Считается пожеланием. Записать?

Он засмеялся и отказался. Наталья не спрашивала, снились ли вопросы и кто входил в комнату. Когда он ушёл,

она увидела в листе обхода двести пятой четыре отметки «сон спокойный». Рядом стояли минуты: 00:11, 02:12, 04:12, 06:11.

Лист был разбит на двенадцать строк, по числу занятых комнат. В каждой строке имелись клетки для времени, состояния пациента, проверки датчика и подписи. Светлана заполняла синей ручкой, Белов — чёрной. Времена шли сверху вниз: 00:08, 00:09, 00:10, 00:11. Затем на следующем круге — 02:09, 02:10, 02:11, 02:12. Ни одной поправки.

Наталья отложила лист и взяла предыдущую дату. Там порядок комнат был тем же, хотя заняты они были иначе. Времена снова поднимались по минуте на каждую дверь. В двести первой — 00:08, в двести третьей — 00:09, в двести четвёртой — 00:10. Комната двести вторая пустовала, её строку пропустили, но минута тоже исчезла: после 00:08 сразу стояло 00:10.

Она провела пальцем вдоль столбца, не касаясь чернил. В гостинице горничные начинали уборку с разных концов коридора: кто-то брал сначала выехавшие номера, кто-то — таблички «уберите», кто-то подстраивался под тележку с бельём. Если в отчёте номера каждый день закрывались строго сверху вниз с разницей в одну минуту, это означало не прекрасную организацию. Обычно это означало, что человек сел после работы и восстановил маршрут по списку.

Ночной обход центра мог быть устроен строже. Здесь измеряли сон, а не меняли полотенца. Наталья не имела права

переносить гостиничное правило на медицину, не спросив.

Она позвонила в процедурную.

— Ольга Васильевна, когда будет удобно, подойдите к стойке? У меня вопрос по форме обхода, без данных пациента.

— Через десять минут.

Ольга пришла через двенадцать, в перчатках, снятых и зажатых в руке. Наталья показала ей чистый бланк из нижнего отделения папки.

— Обход обязательно начинать с первой занятой комнаты и идти по возрастанию?

— Нет. Начинают с того места, где закончили текущую работу. Почему спрашиваете?

— Время ставят у двери или после всего круга?

— Сразу после наблюдения. Если входили, отмечают вход. Если смотрели показатели с поста, это другой столбец.

— На одну комнату хватает минуты?

— Иногда. Если человек спит спокойно и датчики на месте. Иногда десяти не хватает.

— Можно пройти двенадцать комнат за двенадцать минут?

— Пройти коридор можно за две. Выполнить полный обход — смотря что считать полным.

Ольга положила использованные перчатки в карман халата, чтобы выбросить у себя.

— Покажите лист.

— Я собираю копии по поручению Ларина. Здесь фамилии.

— Я допущена к этим данным.

Наталья открыла папку на текущей дате. Ольга просмотрела первый столбец, потом второй.

— Это наблюдение у двери, — сказала она. — Датчики проверяли на посту. По минуте возможно.

— Четыре раза подряд, в одном порядке?

— Возможно.

— Три ночи подряд?

Ольга подняла глаза.

— Что именно вы нашли?

Наталья показала три листа рядом. На каждом первые минуты немного различались, но рисунок повторялся: занятая комната прибавляла минуту, пустая оставляла разрыв. Если в двести седьмой требовалось больше времени, следующие отметки всё равно продолжали шагать по списку, будто задержки не было.

— Слишком ровно, — сказала Наталья. — В гостинице так выглядели отчёты, переписанные перед проверкой.

— Здесь не гостиница.

— Поэтому спрашиваю вас.

Ольга внимательно изучила подписи.

— Ровность сама по себе ничего не доказывает. У Светланы такая привычка: если обошла между двумя десятую и двумя двадцатую, может всем поставить приблизительные

минуты. Это неправильно, но не значит, что она не ходила.

— А пустую комнату она тоже обходит приблизительно одну минуту?

— Она могла идти по списку и пропускать пустые.

— Тогда запись делалась не у двери.

— Скорее всего, после круга.

— Насколько после?

— Не знаю.

Ольга перевернула лист и посмотрела на оборот.

— У нас эти формы печатают в конце дневной смены. Список заселённых может измениться, поэтому администратор печатает новый лист около восьми вечера и передаёт ночной сестре.

— На бланке есть время печати?

— Внизу должно быть.

Наталья нашла серую строку у самого края. На первом листе стояло: «Сформировано 14.04, 19:42». На втором: «15.04, 19:51». Третий лист был обрезан копировальным аппаратом, и нижняя строка не попала в копию. Она достала оригинал.

«Сформировано 17.04, 06:18».

Наталья перечитала дату. Это был лист прошедшей ночи. Первая запись на нём относилась к 00:08, последняя — к 06:11. Сам лист система сформировала в 06:18.

— Так бывает? — спросила она.

Ольга забрала руку с края бумаги, словно он стал горячим.

— Покажите заголовок.

— Вот дата смены. С шестнадцатого на семнадцатое.

— Может быть повторная печать.

— Тогда где первый лист?

— Должен храниться с заменёнными формами. Или быть помечен как испорченный.

Они проверили папку. За листом лежала пустая форма с сегодняшней датой, перед ним — вчерашняя передача. Испорченного бланка не было. В журнале уничтожения документов тоже не оказалось записи.

— Не называйте это подлогом, — сказала Ольга.

— Я называю время печати.

— Правильно. Так и называйте.

Наталья посмотрела на строки, заполненные синей и чёрной ручками. Кто-то после шести восемнадцати вписал на свежем листе события, якобы отмеченные с полуночи. Это ещё не означало, что обходов не было. Старый лист могли залить водой, порвать, унести по ошибке. Но новый лист не был копией в том смысле, в каком копируют документ: подписи стояли прямо на нём, времена были написаны заново, а причины замены нигде не было.

— Это первый конкретный след, — тихо сказала Наталья.

— Это конкретное несоответствие, — поправила Ольга.

— След ведёт куда-то. Несоответствие пока лежит здесь.

— Разница в словах?

— Огромная. Если вы ищете след, вы уже решили, что

кто-то скрывался. Если фиксируете несоответствие, вы ещё допускаете испорченный лист.

Наталья кивнула. В гостинице она сама требовала сохранять испорченные ведомости. Однажды ночной администратор переписал отчёт после того, как гость пролил на стойку кофе. Всё было честно, пока не выяснилось, что на мокром листе осталась запись о запасном ключе, а на чистом её забыли. Не обязательно злой умысел. Но память человека всегда выбирала, что перенести.

— Ларин просил копии к двум, — сказала она. — Этот лист войдёт в комплект.

— Сделайте копию с нижней строкой полностью. И не пишите на оригинале.

Наталья настроила аппарат на уменьшение девяносто пять процентов. Новая копия вместила край листа и время формирования. Она положила её в файл, а оригинал вернула точно на прежнее место.

— Кто печатал? — спросила она.

— В строке нет пользователя?

— Нет.

— В программе должен быть журнал действий. У администратора, который вошёл под своей учётной записью.

— Утром за стойкой была Людмила.

— Не делайте вывод. Сюда могла войти Светлана. Или старшая сестра со своего компьютера.

Ольга уже отходила, когда Наталья заметила ещё одну де-

таль.

— Подождите. В 06:11 последняя отметка. Лист напечатан в 06:18. Людмила сказала, Светлана звонила ей в третьем часу, чтобы найти формы за прошлую неделю. Зачем искать старые формы до того, как стало известно о проверке?

— О несоответствии знали со вчерашнего утра.

— Но список документов появился сегодня.

— Возможно, Ларин поручил ночью.

— Возможно.

Ольга посмотрела на часы.

— Сначала выясните, почему была повторная печать. Один прямой вопрос. Без рассказа про гостиничных горничных.

— Светлане?

— Тому, кто передал вам смену. Потом Светлане, если понадобится.

Людмила должна была уже ехать домой, но в раздевалке её куртки не оказалось. Наталья позвонила на рабочий номер. Ответ пришёл после пятого гудка.

— Я сплю, — сказала Людмила бодрым голосом.

— Один вопрос по передаче. Лист обходов за сегодняшнюю ночь напечатан в шесть восемнадцать. Почему его печатали утром?

На линии стало тихо.

— Какой лист?

— Второй этаж, смена с шестнадцатого на семнадцатое.

— Наверное, старый замяли.

— Кто?

— Не помню, Наташ. Я уже дома.

— Ты печатала?

— Если время утреннее, могла я. Там принтер общий.

— Под своей учётной записью?

— Господи, какая разница? Света попросила чистый лист, я открыла форму.

— Почему чистый?

— У неё первый испортился.

— Чем?

— Не знаю. Спроси у неё.

— Старый лист куда положили?

— Света забрала.

— В папке его нет, в журнале уничтожения записи нет.

— Значит, выбросила. Я не слежу за медицинскими бумажками.

— Но форму печатала ты.

— Форму — да. Содержимое не читала. Всё? Я после ночи.

— Последнее. В котором часу Светлана попросила новый лист?

— Не знаю. Под конец.

— До обхода в шесть одиннадцать или после?

— Наташ, я не смотрела на часы.

— На листе стоит шесть восемнадцать.

— Значит, в шесть восемнадцать.

— Хорошо. Отдыхай.

Наталья внесла в рабочую записку только то, что услышала: Людмила подтвердила повторную печать по просьбе Светланы; причиной назвала испорченный первый лист, характер повреждения не знает; старый лист, по её словам, забрала Светлана. Внизу указала время телефонного разговора. Потом перечитала и заменила фразу «старый лист уничтожен» на «в папке и журнале уничтожения не найден». Первого она не видела.

Светлана появилась в центре около одиннадцати, хотя её следующая смена начиналась вечером. На ней были джинсы, короткая куртка и медицинские сабо в прозрачном пакете. Увидев папки на стойке, она остановилась.

— Ларин уже забрал комплект?

— Ещё нет. Вы из-за объяснения?

— Тамара Павловна вызвала.

— Можно один вопрос по листу обходов?

Светлана положила пакет на пол.

— Если про время, я всё написала.

— Я про другой документ. Почему ночной лист напечатали в шесть восемнадцать?

Красные пятна снова появились у неё на щеках, как вчера.

— Чай пролила.

— Первый лист сохранился?

— Нет. Весь синий был.

— Людмила сказала, вы его забрали.

— Чтобы выбросить в закрытый контейнер. Там фамилии.

— В журнале уничтожения записи нет.

— Потому что это рабочий черновик, а не история болезни.

— Но на нём уже были подписи и обходы до шести утра?

— Были.

— Вы перенесли их по памяти?

— По мокрому листу. Он читался, просто в папку не положишь.

— Почему не приложили его к чистому в пакете?

— Потому что он был мокрый.

Светлана говорила быстро и всё громче. Пациентка у кулера повернула голову. Наталья указала на маленькую переговорную рядом со стойкой. Они вошли, но дверь Наталья оставила приоткрытой.

— Я не обвиняю вас, — сказала она. — Мне нужно собрать комплект и объяснить, почему форма создана после указанных в ней событий.

— Напишите: техническая замена.

— Для этого нужна ваша подпись.

— Я уже подписала сам лист.

— Подпись подтверждает обходы. Причину повторной печати она не подтверждает.

Светлана посмотрела на неё так, будто Наталья намеренно

делала простое невыносимым.

— Дайте бумагу.

Наталья дала чистый лист и ручку. Светлана написала: «В связи со случайным попаданием чая на лист ночных обходов второго этажа данные перенесены на повторно сформированный бланк. Первичный лист утилизирован как содержащий персональные данные». Поставила время переноса — 06:20–06:27.

— В последнем обходе указано 06:11, — сказала Наталья.
— Значит, в шесть двадцать вы ещё помнили время каждой комнаты?

— Я смотрела на мокрый лист.

— Понятно.

— Что вам непонятно?

— Я сказала наоборот.

Светлана выхватила из её руки копию своего объяснения, перечитала и вернула.

— Крылова вас натравила?

— Она просила не называть несоответствие подлогом.

— Очень на неё похоже. Сначала прячет ярлык, потом изображает справедливость.

— Ярлык лежит в карантине, не спрятан.

— Вы вообще понимаете, что человеку иногда нужно помочь немедленно? Не искать врача с ручкой, не открывать десять окон в программе, а помочь?

— Сейчас мы говорим об обходах.

— Вы говорите обо всём сразу, только делаете вид, что по отдельности.

Светлана взяла пакет с сабо и вышла. Наталья осталась в переговорной. Эта фраза задела точнее, чем ей хотелось. Она действительно держала рядом ночные вопросы Ирины, обувь Веры, сладкий привкус, вскрытую упаковку и новый лист. Если соединить их слишком рано, каждое событие переставало быть самим собой и превращалось в удобную часть одной истории. Ларин мог назвать это навязчивостью. Ольга — неправильным способом.

Но время печати не зависело от общей истории. Лист появился после событий, которые подтверждал. Причину его замены записали только сейчас, после вопроса Натальи. Первичный документ исчез.

В полдень Ларин вышел из кабинета и сам подошёл за комплектом.

— Всё собрали?

— Да. Есть дополнение по сегодняшнему листу обходов.

— Какое?

Наталья вынула копию с нижней строкой и объяснение Светланы.

— Бланк сформирован в шесть восемнадцать, хотя содержит записи с полуночи. Светлана объяснила, что пролила чай на первый лист и перенесла данные. Первичный лист не сохранился, записи об уничтожении нет.

Ларин прочитал объяснение.

— И что вас беспокоит?

— Нельзя проверить, совпадает ли переписанное с первоначальным.

— Вы предполагаете, что сестра изменила данные?

— Я говорю, что проверить невозможно.

— Это рядовое повреждение бумаги.

— Тогда почему причина зафиксирована только после моего вопроса?

Ларин перевёл взгляд на папку.

— Потому что нормальные люди не составляют акт на каждую чашку чая.

— В гостинице мы составляли, если переписывали журнал с подписями.

— Это не гостиница.

— Да. Здесь записи важнее.

Он сложил объяснение пополам, но Наталья протянула прозрачный файл.

— Не сгибайте, пожалуйста. Это приложение к комплекту.

Ларин медленно расправил лист и вложил его в файл.

— Ваш гостиничный опыт иногда полезен, Наталья Викторовна. Вы замечаете пятна, время, неровности. Но в медицине есть содержание, которого вы не понимаете.

— Я не оцениваю лечение. Я смотрю, когда напечатана бумага.

— И уже называете это следом?

Она не помнила, произносила ли это слово при нём. Кажется, сказала только Ольге у копировального аппарата. Переговорная была рядом, дверь оставалась приоткрытой. Ольга могла пересказать. Светлана могла услышать.

— Я называю это поздно сформированным листом, — ответила Наталья.

Ларин чуть улыбнулся.

— Вот и называйте.

Он взял папки и ушёл. Через стекло кабинета Наталья видела, как он положил комплект не на стол, а в нижний ящик тумбы. Запер ключом.

В 13:40 ей пришёл ответ на служебную записку об освещении. Олег указал, что шестнадцатого апреля с 01:50 до 02:00 проводилась плановая проверка аварийного блока торцевой лестницы, результат удовлетворительный. К ответу прилагалась копия технического журнала.

На копии стояла запись: «01:50–02:00, тест АБ-2, замечаний нет». Подпись Олега. Чернила на скане были серыми, возраст записи определить было невозможно.

Наталья сверила номер страницы и увидела в углу время печати: сегодня, 12:56. Это было только время копии, не самой записи. Она не могла доказать, когда Олег внес строку.

Зато рядом с ночным тестом стояла отметка о неисправной ручке в комнате двести восемь: «05:34, осмотрено». Та самая, которую Людмила показала утром. Две строки были написаны одним наклоном и одной толщиной, но это тоже

ничего не доказывало. Олег мог пользоваться одной ручкой всю смену.

Наталья зарегистрировала ответ и убрала свою копию в служебный файл. Не фотографировала, не переписывала фамилии, не забирала лист домой.

Перед обедом Ольга прошла мимо стойки. Наталья сообщила ей только результат:

— Светлана написала объяснение. Чай, повторная печать, перенос с мокрого листа. Первый лист не сохранился.

— Ларин принял?

— Запер вместе с комплектом.

— Значит, объяснение существует.

— А исходного листа нет.

— Значит, нельзя сравнить.

Ольга уже собиралась уйти.

— Вы сказали ему слово «след»?

— Нет.

— Он спросил, называю ли я это следом.

Ольга нахмурилась.

— При аппарате слышала только я.

— Переговорная была открыта. Светлана могла стоять в коридоре.

— Могла.

Наталья ждала, что Ольга добавит что-нибудь ещё, но та поправила карман халата.

— Сегодня не оставайтесь после смены одна.

— Почему?

— Потому что вы начали задавать вопросы о ночных подписях людям, которые ночью работают. Это не доказательство опасности. Это обычная осторожность.

— Вы сами остаётесь.

— У меня смена до девяти, и я не одна.

— Вы боитесь Ларина?

— Я боюсь плохого учёта. Люди из-за него получают не то лекарство, двойную дозу или никакой. Остальное пока ваши догадки.

Она ушла в процедурную.

После обеда центр жил спокойно. Пациенты сидели в холле с бумажными стаканами, телевизор без звука показывал дождь в другом городе, за окнами таял грязный снег. Наталья отвечала на звонки, оформляла ранний заезд и дважды объясняла женщине из двести третьей, как подключиться к беспроводной сети.

В половине пятого на стойке зазвонил внутренний телефон. На дисплее высветилось «216» — комната Ирины, уже пустая после выписки.

Наталья смотрела на номер три звонка, прежде чем поднять трубку.

— Стойка администратора, Наталья.

В ответ было слышно только лёгкое шуршание. Потом мужской голос произнёс:

— Лист лучше заполнять сразу.

Связь оборвалась.

Наталья не побежала к комнате. Не позвонила Олегу и не стала просматривать коридор в одиночку. Она посмотрела на часы — 16:32 — и внесла входящий вызов в журнал: номер комнаты, время, точная фраза, длительность одиннадцать секунд. Затем набрала процедурную.

— Ольга Васильевна, подойдите к стойке свидетелем записи. Не в комнату.

Пока Ольга шла, телефон молчал. В пустой двести шестнадцатой никто не должен был ночевать до пятницы. Но Наталья уже знала: пустая комната на бумаге могла потерять минуту, а потом вернуть её по чужой памяти.

Теперь у неё было не доказательство ночных вопросов и не имя человека за дверью. У неё был поздно напечатанный лист, исчезнувший оригинал, объяснение, возникшее после проверки, и звонок из комнаты, где никого не числилось.

Для одного утра этого было достаточно.

Глава 6. Третья семнадцать

Ольга подошла к стойке через две минуты. Наталья успела только перечитать свою запись и проверить, не подменила ли точную фразу более гладкой. «Лист лучше заполнять сразу». Не «листы», не «надо заполнять», не «следовало заполнить». Одиннадцать секунд по внутреннему телефону из пустой комнаты.

— Что случилось? — спросила Ольга.

Наталья повернула к ней журнал, не вынимая его из-под прозрачной накладки.

— В шестнадцать тридцать две вызов из двести шестидцатой. Мужской голос произнёс вот это. Потом отключился.

Ольга прочитала строку дважды.

— Вы уверены в номере?

— Он остался в списке последних вызовов.

Наталья нажала кнопку со стрелкой. На маленьком сером экране высветились «216», время и длительность. Ольга не стала трогать аппарат.

— Теперь можно вызвать охрану и техника, — сказала она. — Вместе.

Наталья позвонила на пост охраны. Дежурил Сергей, широкоплечий мужчина, который по утрам складывал кроссворд вчетверо и прятал под журнал посетителей. Она попро-

сила его подойти к стойке, не объясняя по телефону причину. Потом набрала Олега. Тот ответил не сразу и, услышав про звонок, сказал, что внутренние аппараты иногда сохраняют старый номер после перестановки.

— Аппарат из двести шестнадцатой переставляли? — спросила Наталья.

— Я откуда помню? Сейчас посмотрю.

— Подойдите сначала сюда, пожалуйста. В журнале уже есть запись.

Олег вздохнул, но согласился.

Сергей пришёл первым. Наталья показала ему экран телефона и журнал. Он перестал улыбаться, связался по рации со вторым охранником и велел тому смотреть служебный выход. Только после этого они вчетвером — Наталья, Ольга, Сергей и подошедший Олег — пошли к лифту.

Наталья оставила стойку сменщице из регистратуры и вслух назвала ей, куда они идут. Ей было неловко от собственной предусмотрительности. Казалось, она раздувает короткую глупую шутку до происшествия. Но идти одной после слов Ольги она уже не могла. И если это действительно шутка, свидетели не сделают её опаснее.

Дверь двести шестнадцатой была заперта. Бумажная полоска, которую уборщица наклеивала после подготовки комнаты, не порвалась. На ней стояли дата и подпись Валентины. Сергей приложил служебную карту, Олег вставил механический ключ, и замок щёлкнул только со второй попытки.

В комнате пахло средством для пола и нагретым пластиком. Кровать была застелена, провода датчиков свёрнуты в кольца, графин стоял вверх дном на белом полотенце. Телефон находился на тумбе. Олег поднял трубку и набрал стойку.

В холле за стеной зазвонил аппарат. Сменщица ответила, и Олег сказал:

— Проверка связи из двести шестнадцатой.

Он положил трубку.

— Работает, — сказал Сергей.

— Это мы уже знали, — ответила Наталья.

Олег присел у тумбы, провёл пальцем по проводу и отодвинул её от стены. Пыль за ней была ровной, кроме свежей полосы от ножики.

— Аппарат не переносили, — сказал он. — Линия подписана правильно.

— Можно позвонить с другого аппарата так, чтобы на стойке появился номер этой комнаты?

— Обычному человеку — нет. С распределительного шкафа можно соединить пару. Из программы станции можно подставить внутренний номер для проверки. Но доступ есть у меня и у подрядчика.

— У директора?

Олег выпрямился.

— У директора есть административные права почти ко всему. Это не значит, что он сидит и развлекается звонками.

— Я не сказала, что звонил директор.

— Но спросили про него.

Ольга стояла у двери и не входила дальше коврика.

— Полоска была цела, — сказала она. — Значит, после уборки через дверь не входили. Если её не переклеили.

Сергей осмотрел окно. Оно открывалось только на узкую щель, ограничитель был цел. В санузле никого не было. Под кроватью лежала запечатанная пара одноразовых тапочек.

Олег снял крышку с розетки телефона, проверил провода и поставил её обратно.

— Линия физически отсюда. Но голос мог идти не отсюда. Я выгружу журнал станции.

— Когда? — спросила Наталья.

— Когда Ларин разрешит. Там звонки всего центра.

— Зафиксируйте хотя бы, что сейчас линия соответствует комнате и пломба была цела.

— Я не уполномочен фиксировать пломбы уборщиц.

— Тогда я запишу, что при вас полоска была цела, линия проверена и вы сообщили о возможности программного соединения.

Олег посмотрел на Ольгу, будто просил её остановить Наталью.

— Записывайте, что видели. Только не приписывайте мне теорию про подставной номер.

— Вы сказали, что из программы станции можно назначить номер для проверки.

— Технически можно. Это не теория, это функция.

— Так и запишу.

На стойку они вернулись вместе. Сергей поставил подпись под записью осмотра, Ольга — рядом с фразой о целой полоске. Олег сначала отказался, потом дописал своей рукой: «Телефонная линия комнаты 216 исправна, номер при контрольном вызове определяется верно. Удалённая проверка внутренней станции технически возможна». После слов «подмена номера» он поставил тире и написал: «не установлена».

Наталья не возражала. Именно это и было установлено: не установлена.

Ларин вернулся из городской клиники без десяти шесть. Олег встретил его у кабинета. Через стеклянную перегородку Наталья видела, как он говорит и дважды показывает в сторону стойки. Директор снял пальто, повесил его, не заходя в гардероб, и пригласил Наталью к себе.

Она взяла журнал. Ольга осталась у процедурной.

— Вы провели обыск палаты? — спросил Ларин.

— Осмотр пустой комнаты с охраной, медсестрой и техником. После звонка на стойку.

— Для входа в подготовленную палату есть порядок.

— Сергей открыл её служебной картой, Олег — ключом. Полоска была цела. Следующего пациента там нет до пятницы.

— Вы могли позвонить мне.

— Вас не было в здании. Голос упомянул лист обходов. После вопросов о поздней печати я не сочла правильным ждать одна.

Ларин протянул руку. Наталья раскрыла журнал на нужной странице, но не отдала его. Он прочёл запись вверх ногами.

— «Лист лучше заполнять сразу», — произнёс он. — И вы решили, что это угроза?

— Я записала фразу. Оценки угрозы в журнале нет.

— А четыре человека, вскрывающие комнату, — это оценка.

— Это безопасная проверка источника звонка.

Ларин откинулся на спинку кресла.

— Кто-то из сотрудников неудачно пошутил. Я разберусь. Вы пока перестанете превращать каждую неполадку в подтверждение своей версии.

— Какой версии?

Он не ответил сразу.

— Что здесь намеренно будят пациентов и скрывают записи.

Наталья почувствовала, как пальцы сильнее сжали край журнала. Она ни в одной служебной записке не соединяла эти утверждения. Ирина говорила о вопросе. Вера — о туфлях и вкусе. Ольга — о наборе. Лист обходов появился утром. Связь между ними жила пока только в её голове и в нескольких разговорах без общего вывода.

— Я такой версии вам не излагала.

— Она написана у вас на лице.

— Тогда в документах её нет.

— Именно документы мне и нужны, Наталья Викторовна.

Оставьте журнал.

— Он должен быть на стойке до передачи смены.

Ларин улыбнулся без раздражения.

— Хорошо. Отнесите. Завтра получите инструкцию по действиям при внутренних вызовах. И не устраивайте обход здания без руководителя.

— Если звонок повторится, я вызову охрану.

— Если звонок повторится, действуйте по инструкции.

Наталья вышла, не спросив, кто напишет инструкцию и задним ли числом. На сегодня у неё уже было достаточно бумаг, появившихся после события.

Следующие два дня прошли без звонков. В двести шестнадцатую поселили мужчину на суточное наблюдение, и телефон стал обычным: он просил кипяток, уточнял время ужина, один раз случайно нажал кнопку, снимая часы. Олег передал Ларину выгрузку станции, но Наталье её не показали. В служебном ответе значилось: вызов в 16:32 зарегистрирован как исходящий с внутреннего номера 216, определить способ набора по имеющимся данным невозможно.

Ответ не объяснял, находился ли кто-то в комнате. Не объяснял целую полосу. Не называл пользователя станции. Зато подтверждал, что Наталья не ошиблась, глядя на экран.

В понедельник утром у стойки ждала женщина лет тридцати пяти в длинном сером кардигане. Рядом стоял маленький чемодан, а на его ручке висела спортивная сумка. Женщина не села, хотя свободных кресел было пять. На левом запястье у неё были часы с потёртым лиловым ремешком.

— Я выписываюсь из двести девятой, — сказала она. — Екатерина Белова. Мне сказали дожидаться администратора.

Наталья нашла карту выписки и проверила, есть ли отметка врача. Всё было подписано. Исследование завершили в шесть сорок, датчики сняли в семь десять, завтрак пациентка получила.

— Сейчас вызову санитарку проверить комнату. Есть замечания по проживанию или работе сотрудников?

Екатерина посмотрела на регистраторшу, сидевшую в двух шагах, и тихо спросила:

— Можно без неё?

Наталья предложила маленькую переговорную. Дверь оставила незапертой и объяснила, что разговор можно записать как жалобу только с согласия Екатерины. Та поставила спортивную сумку на пол, но продолжала держать ручку чемодана.

— Я пока не жалуюсь, — сказала она. — Я хочу понять, что у вас считается пробуждением.

— Если человек переходит от сна к бодрствованию. Но медицинское определение лучше даст врач. Что произошло?

— Мне сказали, что я не просыпалась. На записи я лежу.

А часы говорят, что ходила.

Она сняла часы и положила на стол экраном вверх. На стекле было несколько тонких царапин. Наталья не коснулась устройства.

— Это ваши личные часы?

— Браслет. Сестра велела снять всё, кроме него. Сказала, он не мешает датчикам. Я включила режим сна, как обычно.

Екатерина провела пальцем по экрану. Появился график с тёмно-синими и светлыми полосами, а под ним — короткий оранжевый столбик.

— Вот. В тринадцать пульс поднялся, потом двенадцать шагов. Я ночью до туалета не дохожу за двенадцать. Там больше.

— Часы показывают точное время начала?

— Тринадцать. Одна минута активности. Потом снова сон.

Наталья увидела цифры, но не стала переписывать их до разрешения.

— Вы сами помните это время?

— Не время. Я помню, что сидела и отвечала женщине. Или мне снилось, что сидела.

— О чём она спрашивала?

Екатерина сжала ручку чемодана.

— Это касается работы. Я не хочу говорить подробности.

— Не говорите. Для проверки самого события достаточно того, что вы помните разговор и положение тела. Есть ещё

что-нибудь: свет, голос, прикосновение, предмет?

— Свет был из коридора. Женщина сказала: «Не торопитесь, назовите первое, что пришло в голову». Потом спросила, кого я позову, если утром не смогу выйти на смену. Я сказала... — Екатерина замолчала. — Неважно, что я сказала.

— Неважно, — согласилась Наталья. — Вы разрешаете записать только фразу женщины и общий смысл вопроса, без вашего ответа?

Екатерина подумала и кивнула.

Наталья достала чистый бланк обращения. В присутствии пациентки написала: «Со слов Е. Беловой, ночью она могла кратко проснуться и сидя отвечать неизвестной женщине. Запомнившаяся фраза: “Не торопитесь, назовите первое, что пришло в голову”». Был задан вопрос о том, к кому пациентка обратится, если утром не сможет выйти на работу. Ответ пациентки по её просьбе не фиксируется». Отдельной строкой добавила сведения с экрана браслета: в 03:17 отмечена одна минута активности, повышение пульса и двенадцать шагов. Затем повернула лист к Екатерине.

— Проверьте каждое слово. Можно зачеркнуть всё, что вы не хотите оставлять.

— Напишите, что я не уверена, сон это или нет.

Наталья добавила фразу. Екатерина расписалась под текстом и поставила время.

— Можно приложить снимок экрана? — спросила Наталья. — Вы сделаете его сами и отправите на официальный

адрес центра. Если не хотите, просто покажем врачу устройство при вас.

— Я отправлю. Только там есть мой пульс за весь день.

— Можно обрезать снимок до ночного промежутка. Оригинал останется у вас.

Екатерина сделала снимок, увеличила участок с трёх до половины четвёртого и отправила письмо. Наталья зарегистрировала его как приложение, не открывая остальные данные.

— Теперь стационарная запись, — сказала она. — Вы уже просили её посмотреть?

— Врач показал кусок. Я лежу всё время. Сказал, часы приняли движение рукой за шаги.

— Такое возможно?

— Конечно возможно. Я потому и не жалуюсь. Но если я двигала рукой, почему на вашей записи вообще ничего?

Наталья вызвала дежурного врача Андрея. Он пришёл через десять минут с планшетом и попросил перейти в кабинет просмотра. Екатерина согласилась, но настояла, чтобы Наталья присутствовала. Андрей открыл исследование двести девятой и вывел на большой экран четыре полосы: дыхание, пульс, движение и видеозапись.

В 03:16:30 Екатерина лежала на левом боку, лицом к стене. Одеяло поднималось ровно. В 03:17 изображение не дрогнуло. Полоса движения шла почти прямой линией, пульс менялся в пределах нескольких ударов. В 03:18 она по-

прежнему лежала так же. Андрей увеличил скорость воспроизведения, потом вернулся и показал промежуток покадрово.

— Непрерывная запись, — сказал он. — Нет пробуждения, нет вставания, нет двенадцати шагов.

— А можно увидеть часы самой системы? — спросила Наталья.

Андрей указал на белые цифры в углу. Они шли без скачков: 03:16:58, 03:16:59, 03:17:00.

— Времена браслета и системы могли различаться? — спросила Екатерина.

— Могли. Браслет синхронизируется с телефоном, система — с сервером. Даже если сдвинуть на несколько минут, здесь нет вставания ни до, ни после.

Он прокрутил запись от трёх десяти до трёх двадцати пяти. Екатерина один раз перевернула кисть под одеялом, но не села.

— Значит, приснилось, — сказала она.

Это прозвучало не как облегчение. Скорее как ответ, который ей уже предлагали и который она пыталась надеть на себя второй раз.

— Браслет может ошибиться, — сказал Андрей. — Он считает шагами движения руки. Пульс измеряет через кожу, тоже неточно. Медицинская система надёжнее.

— А фраза? — спросила Екатерина.

— Фразы сняты. Особенно при непривычном сне с дат-

чиками.

Наталья смотрела на изображение. Оно было слишком спокойным. Не просто спокойным — неподвижным, как фотография, которую заставили дышать повторяющимся подъёмом одеяла. Но это ощущение не было фактом. Она не знала, как должен выглядеть настоящий видеопоток спящего человека.

— Можно проверить непрерывность файла не только по цифрам на экране? — спросила она.

Андрей нахмурился.

— Это вопрос технику.

— В прошлый раз камера в коридоре тоже шла без видимого разрыва.

— Наталья Викторовна, я показываю пациентке её исследование, а не веду расследование камер.

— Тогда зафиксируйте, пожалуйста: стационарная система в 03:17 активности не показывает, личный браслет показывает. Без вывода, какой прибор прав.

Екатерина повернулась к врачу.

— Вы можете так написать?

Андрей помолчал, затем внёс примечание в карту: «Предоставлены данные бытового носимого устройства об активности в 03:17, не совпадающие с данными стационарного исследования. Клиническая значимость не установлена». Он показал запись Екатерине.

— Вот. Но это не подтверждает, что вы вставали.

— Я понимаю.

— И не подтверждает присутствие другого человека.

— Я понимаю.

Екатерина забрала часы со стола. Наталья заметила на внутренней стороне ремешка маленькое белое пятно, будто засохла капля мыла.

В дверях кабинета стоял Ларин. Никто не слышал, как он подошёл.

— Закончили? — спросил он.

Андрей объяснил несоответствие коротко: личный браслет показал минуту активности, стационарная система — непрерывный сон.

— Какая модель? — спросил Ларин у Екатерины.

Она назвала марку.

— Бытовая игрушка, — сказал он. — Полезная, чтобы считать прогулки, но не чтобы спорить с исследованием сна. Она могла насчитать двенадцать шагов, пока вы поправляли одеяло.

— На записи я не поправляю одеяло, — ответила Екатерина.

— Значит, часы ошиблись ещё проще. Бывает ложный импульс, плохой контакт с кожей, автоматическое уточнение после синхронизации. Не торопитесь, назовите первое, что пришло в голову: вы ведь и дома иногда видите ночью шаги, которых не помните?

В комнате стало тихо.

Екатерина подняла голову.

— Что вы сказали?

Ларин, кажется, понял это на половине собственной фразы. Он переставил планшет на стол, хотя тот ему не мешал.

— Я прошу не подгонять воспоминание под показания часов.

— Нет. До этого.

— Обычный вопрос о привычных ошибках устройства.

Екатерина посмотрела на Наталью. Та не произнесла сохранённую фразу с тех пор, как записала её в переговорной. Андрей пришёл после того, как заявление уже лежало лицом вниз в папке. Письмо с приложением ушло на официальный адрес, но в нём был только снимок экрана. Содержание ночного разговора Екатерина при враче не пересказывала.

— Я это сказала только администратору, — произнесла Екатерина.

— Вы могли упомянуть врачу утром, — сказал Ларин.

— Не упоминала, — ответила она.

Андрей покачал головой.

— При мне этой фразы не было.

Ларин повернулся к Наталье.

— Вы обсуждали обращение с сотрудниками?

— Нет. Оно зарегистрировано десять минут назад. Текст видели только Екатерина Сергеевна и я.

— Значит, фраза типичная. Я мог сказать её независимо.

— Могли, — сказала Наталья.

Она не стала добавлять, насколько точно он повторил слова. Совпадение оставалось возможным. Но теперь оно существовало при Екатерине и Андрее, а не только в памяти Натальи.

Екатерина взяла чемодан.

— Я хочу копию своего обращения и этой записи врача.

— Вы получите всё в установленном порядке, — сказал Ларин.

— Когда?

— Подайте заявление.

— Я уже подала.

Наталья увидела, как директор собирается объяснить разницу между обращением и запросом копий, и достала второй бланк.

— Я помогу оформить отдельный запрос сейчас.

Ларин посмотрел на неё, потом на Андрея.

— Оформите.

Екатерина заполнила заявление стоя. В графе о причине запроса написала: «Для сопоставления данных моего браслета и записи центра». Про ночную фразу не добавила ничего. Наталья выдала ей копию с входящим номером и записала телефон, по которому можно узнать о готовности документов.

У выхода Екатерина задержалась.

— Если мои часы игрушка, почему он знает, что мне снилось?

Наталья могла ответить только честно.

— Я пока не знаю.

— Вы верите, что я сидела?

На большом экране Екатерина не двигалась. На маленьком браслете прошла двенадцать шагов. Выбрать один прибор означало бы сделать то же, что Ларин: закончить проверку удобным объяснением.

— Я верю, что вы помните разговор и что устройства показали разное, — сказала Наталья. — Остальное нужно проверять отдельно.

Екатерина кивнула, будто ожидала большего, но согласилась на это. Взяла сумку и вышла во двор.

Ларин ждал Наталью у стойки.

— В кабинет, — сказал он.

— Сначала закончу выписку и убегу обращение в закрытую папку.

— Сейчас.

— В документе данные пациентки. Я не оставлю его открытым.

Он постоял рядом, пока Наталья проверяла подпись на акте, закрывала папку и убирала её в ящик. Пациенты в холле делали вид, что смотрят телевизор. На экране без звука шёл прогноз погоды: ночью обещали дождь и плюс три.

В кабинете Ларин закрыл дверь.

— Вы устроили сцену из обычного сбоя часов.

— Сцену устроило совпадение фразы.

— Вы подсказали её пациентке.

— Она назвала её до прихода врача. Дословно. Я записала при ней.

— Тогда вы подсказали её мне своим поведением.

— Я не произносила её при вас.

Ларин провёл ладонью по столу, словно собирал невидимые крошки.

— Послушайте внимательно. Люди приезжают сюда уставшими, тревожными, иногда на лекарствах. Утром они собирают сон из обрывков. Если администратор кивает на каждую страшную догадку, человек уходит уверенным, что над ним ставили опыт.

— Я не кивала. Я разделила то, что она помнит, показания браслета и стационарную запись.

— У вас нет подготовки, чтобы разделять медицинские данные.

— Поэтому врач написал примечание сам.

— После вашего давления.

— После просьбы пациентки.

Ларин встал. Между ними оставался стол, но Наталья всё равно отступила на полшага. Он заметил и остановился.

— Я не собираюсь вам угрожать, — сказал он. — Я пытаюсь сохранить работу центра.

— Тогда помогите проверить, откуда вы знали фразу.

— Я её не знал. Я сказал обычные слова.

— Хорошо. Это ваша версия ответа.

— Это не версия.

— Тогда зафиксируйте её письменно.

На лице Ларина впервые появилось не раздражение и не снисходительность, а короткая усталость.

— Идите работать, Наталья Викторовна.

Она вышла. У стойки лежала новая инструкция по внутренним звонкам. В правом верхнем углу стояло время печати — 09:12 сегодняшнего утра, хотя после звонка прошло три дня. Первым пунктом требовалось сообщать директору, вторым — технику, третьим — охране. Слов о том, что нельзя идти в пустую комнату одному, не было.

Наталья расписалась только за получение и рядом поставила настоящее время. Потом открыла журнал обращений и проверила номер заявления Екатерины. Следующая строка была пустой.

На электронных часах над стойкой сменились цифры: 11:26. До третьей семнадцати оставалось почти шестнадцать часов.

Впервые Наталья поймала себя не на страхе перед ночью, а на желании дождаться её и посмотреть, какая из записей снова окажется слишком спокойной.

Глава 7. Заказчик

Расписание на май принесли после обеда в трёх экземплярах. Один предназначался врачам, второй — сёстрам, третий лежал у администратора, чтобы отвечать на вопросы о свободных местах. Раньше Наталья видела только недельные листы. На месячном плане комнаты выстраивались в длинные столбцы, и рядом с фамилиями появлялись короткие пометки, которых не было в картах заселения.

«СМ-4» повторялось семь раз. «ГРД-2» — пять. «ВКС» занимало почти весь следующий вторник. Часть сокращений стояла в графе оплаты, часть — возле типа исследования, хотя обычные обозначения выглядели иначе: «ПСГ», «КРГ», «конс.».

Наталья не стала искать расшифровку в чужих документах. Она проверила только то, что требовалось для работы: какие комнаты свободны и кому звонить при переносе. Возле фамилии пациента из двести четвёртой стояло «СМ-4», а в карточке плательщиком значилось общество «Северные машины». У женщины из двести двенадцатой с отметкой «ГРД-2» курс оплачивал «Городские дороги». Три буквы «ВКС» совпадали с названием банка «Вектор Капитал Север», логотип которого Наталья видела на конвертах в кабинете Ларина.

Совпадение было слишком простым, чтобы считать его

тайной. Работодатели оплачивали обследования сотрудников. Об этом говорили на собеседовании: центр получал часть пациентов по корпоративным программам. Станным было число после букв. Оно не совпадало ни с количеством ночей, ни с этажом, ни с видом исследования.

Наталья взяла чистый лист для рабочих вопросов и написала: «Как читать пометки плательщика в месячном расписании?» Ни фамилий, ни догадок. Лист положила возле клавиатуры.

В четыре позвонил мужчина, представился помощником директора по персоналу «Северных машин» и попросил подтвердить, выписан ли уже их сотрудник. Наталья открыла карточку.

— Я могу сообщать сведения только самому пациенту или указанному им представителю, — сказала она. — Назовите номер согласия или соединитесь с бухгалтерией по договору.

— Девушка, мы его сюда направили и оплатили.

— Понимаю. Но это не даёт мне права сообщать, находится ли человек в центре.

— В прошлый раз давали.

— Назовите сотрудника, который давал, я уточню порядок.

Мужчина помолчал.

— Соедините с Артёмом Евгеньевичем.

Наталья перевела звонок Ларину. Через стекло видела, как директор снял трубку, выслушал и открыл на компьюте-

ре какое-то окно. Он не посмотрел в сторону стойки. Разговор длился меньше минуты.

Через пять минут из его кабинета вышла Марина, бухгалтер. Она взяла месячное расписание, сделала карандашную отметку напротив двести четвёртой и спросила:

— По Северным звонили?

— Просили подтвердить выписку. Я перевела директору.

— Правильно. Такие звонки сразу ему.

— В инструкции этого нет.

— Теперь будете знать.

— Что означает «СМ-4»?

Марина посмотрела на пометку, потом на Наталью.

— Код договора.

— А «ГРД-2»?

— Тоже.

— Почему они стоят возле вида исследования, а не в графе договора?

— Потому что таблицу делал человек, а не государственный стандарт.

Она свернула один экземпляр расписания трубкой.

— Этот я заберу, там старая версия.

— Какой из трёх старый?

— Все. Ларин просил заменить.

— Я ещё не перенесла бронирования.

— Новое принесут.

Марина забрала листы у врачебной комнаты и процедур-

ной, затем вернулась за администраторским. Наталья отдала его, записав в журнал передачи: «Месячное расписание, три экземпляра, отозвано бухгалтером для замены». Марина прочитала строку и усмехнулась.

— Скоро будете записывать, кто сколько скрепок взял.

— Если скрепки содержат фамилии пациентов, да.

— Они не содержат, Наташа. Фамилии на бумаге, скрепки сверху.

Наталья не улыбнулась. Марина тоже перестала.

Новое расписание появилось перед концом смены. Комнаты и фамилии остались на местах, но корпоративные сокращения исчезли. Вместо них стояли одинаковые буквы «КП» — корпоративная программа. Внизу мелким шрифтом добавили: «Детализация договора доступна бухгалтерии и директору».

Это могло быть обычным исправлением: администратору не требовались внутренние коды договоров. Но исправление возникло сразу после её вопроса, как объяснение про чай и инструкция о звонках. Центр не столько отвечал, сколько быстро менял поверхность, на которой появлялся вопрос.

Наталья сверила новое расписание со сделанными утром бронями. Одну фамилию перенесли из двести четвёртой в двести восьмую, две даты сдвинули на сутки. Возле Екатерины Беловой, уже выписанной, строку убрали полностью. Так и должно было быть в рабочем расписании на будущий месяц. Только Наталья помнила, что рядом с её фамилией

на первом варианте стояло «СМ-4».

Екатерина работала на «Северных машинах». Это значилось в договоре плательщика, который она сама показывала при оформлении. Ночной вопрос был о том, кого она позовёт, если не сможет выйти на смену. Связь ещё ничего не доказывала: оплачивая обследование, завод мог интересоваться сроком возвращения сотрудницы. Вопрос мог присниться именно потому, что Екатерина тревожилась о работе.

Но число четыре оставалось без объяснения.

На следующий день Наталья спросила о кодах у Людмилы во время передачи смены. Не показывала старого листа и не называла пациентов.

— Корпоративные программы, — сказала Людмила. — У каждого заказчика свои пакеты.

— Что входит в четвёртый пакет «Северных машин»?

— Откуда я знаю? Мы заселяем, бухгалтерия считает.

— Ты видела пометки с цифрами раньше?

— Конечно.

— Они всегда были в расписании?

Людмила стала листать журнал, хотя нужная страница лежала открытой.

— Иногда. Потом Ларин велел убрать, чтобы не путались.

— Когда велел?

— Давно.

— Вчера?

— Может, вчера повторил. Наташ, это к Марине. У меня

ночью у двести третьей датчик отходил, давай лучше про работу.

Наталья приняла передачу. Датчик в двести третьей поправляли в 02:26, вход был в журнале замка и на листе обходов, пациент подтвердил утренней сестре, что просыпался. Всё совпадало так хорошо, что Наталья испытала почти благодарность. Нормальная ночь существовала. Не каждая дверь скрывала вопрос, не каждая ровная строка была ложью.

После передачи Ольга принесла на стойку требование со склада. Ей нужны были два набора той же партии, что найденный ярлык, но склад предлагал замену.

— Вы знаете, что означают цифры в корпоративных кодах? — спросила Наталья.

Ольга положила лист подписью вниз.

— Зачем вам?

— В старом расписании возле пациентов стояли «СМ-4», «ГРД-2». После моего вопроса лист заменили, оставили только «КП».

— Я видела такие обозначения на направлениях.

— Четыре — количество ночей?

— Нет. Бывает у человека одна ночь, а код четыре.

— Тип обследования?

— Медицинские типы обозначают иначе.

— Тогда что?

Ольга посмотрела на регистраторшу. Та разговаривала по

телефону, но сидела близко.

— Не здесь.

Они не пошли в процедурную. Ольга предложила вынести коробку с архивными бланками в кладовую, и Наталья записала уход от стойки в журнале. В кладовой пахло картоном и сухой краской. Ольга закрыла дверь не до конца.

— Я не знаю расшифровки, — сказала она. — Но четыре года назад по корпоративным направлениям были дополнительные анкеты. В них спрашивали про сменную работу, лекарства, алкоголь, аварии. Это нормально для сна. Потом анкеты исчезли из карт, а вопросы иногда оставались в заданиях на ночь.

— Каких заданиях?

— Устных. Старшая сестра могла сказать: если такой-то проснётся, спросить, во сколько он обычно ложится после второй смены. Или кого вызвать, если станет плохо.

— Кого вызвать, если не выйдет на работу?

Ольга задержала дыхание. Наталья услышала короткий свист и увидела, как рука медсестры коснулась кармана с ингалятором, но не достала его.

— Мне таких вопросов не давали.

— Вы слышали о них?

— Я слышала, как Тамара Павловна однажды спросила сестру, записала ли та «ответ по четвёртому». Решила, речь об анкете.

— Когда?

— Зимой. Фамилию не помню.

— Можно это записать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я помню обрывок разговора и не знаю смысла. Запишете — он станет выглядеть как факт о программе.

— Я могу указать именно так: обрывок, смысл неизвестен.

— А потом кто-нибудь прочитает только «ответ по четвёртому».

Наталья подняла коробку с одной стороны.

— Хорошо. Не записываю.

Ольга взялась за другую ручку.

— И не ищите расшифровку в картах. Там чужие данные.

— Не буду.

— Спросите Ларина прямо. Коды договоров не медицинская тайна, если без фамилий.

Они вынесли коробку к стойке. Внутри оказались чистые бланки старого образца. Наталья пересчитала пачки, расписалась в получении и только потом позвонила директору.

Ларин пригласил её после совещания. В кабинете сидела Марина, перед ней лежали договоры с цветными закладками. Наталья остановилась у двери.

— Я могу зайти позже, когда не будет документов клиентов.

Марина быстро закрыла верхнюю папку.

— Мы закончили.

— Проходите, — сказал Ларин. — Вы хотели обсудить расписание.

Наталья села на край стула.

— Хочу понять только то, что нужно администратору. В первой версии были коды «СМ-4», «ГРД-2», «ВКС». Марина сказала, это коды договоров. Что означают цифры?

— Пакеты корпоративной программы, — ответил Ларин.

— Чем четвёртый отличается от второго?

— Набором услуг и отчётностью.

— Какой отчётностью?

Марина посмотрела на директора. Он сложил руки на столе.

— Заказчик получает финансовые документы и сводный отчёт по программе. Пациент получает медицинское заключение.

— Сводный отчёт содержит ответы пациента ночью?

— С чего вы это взяли?

— Пациентка с кодом «СМ-4» помнила вопрос о выходе на работу. Вы знали фразу из её рассказа. Я проверяю, может ли код объяснить интерес работодателя.

— Вы снова соединяете несвязанные вещи.

— Поэтому спрашиваю, а не утверждаю.

Ларин повернул к ней один из закрытых договоров, но не открыл.

— Корпоративный заказчик вправе получить только то,

на что есть согласие участника программы. Обычно это подтверждение прохождения курса, общие рекомендации по режиму труда и обезличенная статистика. Никаких ночных признаний.

— Можно увидеть форму согласия именно для четвёртого пакета без заполненных данных?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы администратор, а не юрист и не аудитор.

— Тогда что я должна отвечать пациенту, если он спросит, какие сведения получит работодатель?

— Направлять его к врачу и в договорный отдел.

— В договорный отдел — это к Марине?

— Ко мне, — сказала Марина.

— Хорошо. Я внесу это в памятку стойки.

Ларин постучал пальцем по закрытой папке.

— Наталья Викторовна, вы работали в гостинице. Там были постоянные клиенты, туристические группы, компании, которые селили сотрудников?

— Были.

— У них были разные тарифы?

— Были.

— И администратор не требовал читать каждый договор, чтобы выдать ключ.

— Но если представитель компании спрашивал, с кем сотрудник провёл ночь, мы не отвечали, даже если компания

оплачивала номер.

Марина отвернулась к окну. Ларин не улыбнулся.

— Здесь никто не сообщает работодателю, с кем пациент провёл ночь.

— Здесь спрашивают, кому он позвонит, если утром не сможет выйти на смену.

— По словам человека, который не уверен, что просыпался.

— Да.

— И бытовых часов, которые ошиблись.

— Да.

— Тогда у вас нет основания связывать это с договором.

— У меня есть основание задать вопрос. Вы ответили: программа законная, ночные ответы работодателю не передаются, форму согласия мне видеть нельзя.

— Не передёргивайте.

— Я повторяю, чтобы не ошибиться в записи.

Ларин посмотрел на Марину.

— Оставьте нас на минуту.

Бухгалтер собрала папки. Проходя мимо Натальи, сказала:

— Цифра ещё обозначает стоимость сопровождения. Не ищите в ней номер вопроса.

Дверь закрылась.

Ларин подождал, пока шаги стихнут.

— Вам нужны деньги? — спросил он.

Наталья не сразу поняла.

— Зарплата приходит вовремя.

— Я не об этом. Людей не тянет в чужие неприятности от хорошей жизни. Вы вернулись после развода, квартира требует ремонта, сын учится в другом городе. Дополнительные смены могли бы помочь.

Она почувствовала холод в ладонях. О квартире он мог знать из анкеты. О разводе — тоже. Про Илью она говорила на собеседовании, когда объясняла, почему теперь готова к ночным сменам. Каждая отдельная подробность была доступна. Вместе они прозвучали как чужая рука в ящике стола.

— Какие дополнительные смены?

— Корпоративные ночи. Два раза в месяц, иногда три. Двойная ставка и премия за отсутствие срывов.

— Что считается срывом?

— Жалоба, незапланированный вызов врача, уход пациента до завершения исследования, техническая ошибка. Вы опытный администратор. Умеете успокаивать людей и не бегаєте по коридору из-за каждого звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.